

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Т. 20, № 4

Vol. 20, no. 4

16+

2022

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

Главный редактор – академик РАО, д. биол. наук, профессор Ермаков П. Н. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)

Редакционный совет

д. пс. наук, профессор Акопов Г. В. (СГСПУ, Самара)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Асмолов А. Г. (МГУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Аллахвердов В. М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Бондырева С. К. (МПСУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Знаков В. В. (МГУ, Москва)

член-корреспондент РАО, д. пс. наук, профессор Карпов А. В. (ЯрГУ, Ярославль)

академик РАО, д. пед. наук, профессор Малюфеев Н. Н. (ИКП РАО, Москва)

д. пс. наук, профессор Марьин М. И. (МГППУ, Москва)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Рубцов В. В. (МГППУ, Москва)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Реан А. А. (Высшая школа экономики, Москва)

д. пс. наук, профессор Рыбников В. Ю. (ФГБУ ВЦЭРМ, Санкт-Петербург)

д. пс. наук, профессор Тхостов А. Ш. (МГУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Черноризов А. М. (МГУ, Москва)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Шадриков В. Д. (ЯрГУ, Ярославль)

Редакционная коллегия

член-корр. РАО, д. пс. наук, Абакумова И. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. биол. наук, Бабенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Белоусова А. К. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Воробьева Е. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Джанерьян С. Т. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

канд. пс. наук, Дикая Л. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Кагермазова Л. Ц. (КБГУ, Нальчик)

д. пс. наук, Лабунская В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Осипова А. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Рюмшина Л. И. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Сидоренков А. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пед. наук, Скуратовская М. Л. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пед. наук, Федотова О. Д. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Щербакова Т. Н. (ГБУ ДПО РО РИПК и ППРО, Ростов-на-Дону)

Ответственный секретарь – Ребенков В. В.

Ответственный редактор – Проненко Е. А.

Адрес редакции:

344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 140, ком. 114
E-mail: ncpb@sfdedu.ru

Адрес издательства:

129366, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел./факс: (495) 283-55-30
E-mail: izd.kredo@gmail.com

Адрес типографии:

344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, д. 9/15
E-mail: dsmsgroup@mail.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) от 25 сентября 2009 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-37683

Подписано в печать: 30.12.2022

Дата выхода в свет: 30.12.2022

Формат 62x94/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Myriad Pro.

Печать цифровая. Усл. печ. л.

Тираж 100 экз. Заказ №

Цена свободная. 16+

Содержание

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Елизавета В. Найденова

Влияние директивного стиля воспитания и гиперопеки на формирование толерантности и интолерантности к неопределенности.....5

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Виктория С. Юхно, Екатерина Г. Денисова

Аффективно-когнитивные предикторы академической успешности современных студентов: аналитический обзор.....17

Виктория Д. Вороняя, Евгений А. Проненко

К проблеме адаптации студентов-первокурсников высших учебных заведений гуманитарного профиля.....27

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Яна Ю. Восканян, Ольга С. Васильева

Психологические особенности женщин с бесплодием неясной этиологии.....44

Content

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONAL PSYCHOLOGY

Elizabeth V. Naidenova

The influence of directive parenting style and overprotection on the formation of tolerance and intolerance to ambiguity.....5

PSYCHOLOGY OF EDUCATION

Victoria S. Yukhno, Ekaterina G. Denisova

Affective and cognitive predictors of academic performance of contemporary students: an analytical review.....17

Victoria D. Voronaya, Evgeny A. Pronenko

To the problem of adaptation of freshmen of the humanitarian higher educational institutions.....27

CLINICAL PSYCHOLOGY

Yana Y. Voskanyan, Olga S. Vasilyeva

Psychological characteristics of women with infertility of unclear etiology.....44

Научная статья

УДК 159.99

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2022.4.1>

Влияние директивного стиля воспитания и гиперопеки на формирование толерантности и интолерантности к неопределенности

Елизавета В. Найденова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: naidenova@sfedu.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4460-2399>

Аннотация

В статье рассмотрен вопрос влияния стилей воспитания на формирование положительного или отрицательного отношения личности к ситуациям неопределенности. Актуальность обуславливается современными реалиями жизни, которые подразумевают частое столкновение с новыми, неизвестными задачами, необходимость существовать в изменяющемся мире. В данной работе впервые затрагивается вопрос формирования различных уровней толерантности к неопределенности в зависимости от того, какие стили воспитания применялись в семье, в чём выражается новизна исследования. Во введении автор приводит аналитический обзор различных подходов относительно вопросов толерантности к неопределенности и таких стилей воспитания, как директивность и гиперопека. Был отмечен двойственный подход к пониманию такого явления как толерантность к неопределенности. Выборка исследования составила 61 человека в возрасте от 18 до 25 лет. В разделе «Методы» обозначены основные способы анализа как теоретических, так и эмпирических данных. Результаты исследования показывают положительные связи между интолерантностью к неопределенности, директивностью и гиперопекой. Также отмечено наличие отрицательных связей между толерантностью к неопределенности и приведенными стилями воспитания. В разделе «Обсуждение результатов» автор отмечает, что стили и методы воспитания значительным образом сказываются на формировании креативности, которая во многом необходима для проявления высокой толерантности к неопределенности. В разделе «Заключение» автор приходит к выводу о том, что использование жестких методов в воспитании, а также гиперопеки приводит к снижению толерантности к неопределенности и росту интолерантности во взрослом возрасте.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, воспитание, стили воспитания, гиперопека, креативность, интолерантность к неопределенности

Для цитирования

Найденова Е.В. (2022). Влияние директивного стиля воспитания и гиперопеки на формирование толерантности и интолерантности к неопределенности. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 20(4), 5–16. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2022.4.1>

Research article

UDC 159.99

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2022.4.1>

The influence of directive parenting style and overprotection on the formation of tolerance and intolerance to ambiguity

Elizabeth V. Naidenova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: naidenova@sfedu.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4460-2399>

Abstract

The article considers the issue of the influence of parenting styles on the formation of a positive or negative attitude of a person to situations of uncertainty. The relevance is determined by the modern realities of life, which imply a frequent encounter with new, unknown tasks, the need to exist in a changing world. In this paper, for the first time, the issue of the formation of different levels of tolerance to uncertainty is touched upon, depending on which parenting styles were used in the family, which reflects the novelty of the study. In the introduction, the author provides an analytical review of various approaches to issues of tolerance to uncertainty and such parenting styles as directive and overprotection. A dual approach to understanding such a phenomenon as tolerance to uncertainty was noted. The sample consisted of 61 people aged 18 to 25 years. The «Methods» outlines the main methods of analyzing both theoretical and empirical data. The results of the study show positive links between tolerance to uncertainty, directive and overprotection. It is also noted that there are negative links between tolerance to uncertainty and the given parenting styles. In the section «Discussion of the results», the author notes that styles and methods of education significantly affect the formation of creativity, which is largely necessary

for the manifestation of high tolerance to uncertainty. In the conclusion section, the author comes to the conclusion that the use of strict guidelines in parenting, as well as overprotection, leads to a decrease in tolerance to uncertainty and an increase in intolerance in adulthood.

Keywords: tolerance to uncertainty, upbringing, parenting styles, overprotection, creativity, tolerance to uncertainty

---

For citation

Naidenova E.V. (2022). The influence of directive parenting style and overprotection on the formation of tolerance and intolerance to ambiguity. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik (North-Caucasian Psychological Bulletin)*, 20(4), 5–16. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2022.4.1>

Введение

Мы живём в постоянно меняющемся мире: новые технологии, геополитические проблемы, быстрые темпы развития, изменение почти всех сфер человеческой жизни приводят к тому, что люди оказываются в новых, неизвестных им, часто пугающих реалиях. К тому же каждый человек в процессе своей жизни сталкивается с ситуациями неизвестности. Идя в школу, поступая в университет, устраиваясь на работу, общаясь с новыми людьми, каждый раз так или иначе люди сталкиваются с неопределённостью. Ни у кого из нас нет инструкции как жить и действовать в какой-то ситуации, особенно, когда она, как в первом случае не зависит от нас самих. Леонов (2014) также указывает на важность активности личности как ключевой компетенции в условиях социальной нестабильности. В том случае, если человек не может справиться с неопределённостью в настоящем, он может излишне погрузиться в мысли о будущем, и тогда возрастает риск развития синдрома отложенной жизни (Найденова, 2022).

Исходя из вышесказанного важным встает вопрос изучения детерминант формирования толерантности и интолерантности к неопределённости. Существуют различные подходы понимания понятия «толерантность к неопределённости». Одни исследователи рассматривают этот феномен как устойчивую черту личности, другие акцентируют внимание на ситуационность проявления толерантности и интолерантности как когнитивной характеристики личности (Панова, 2021).

По данным Furnham & Ribchester (1995) толерантность к неопределённости характеризует то, как индивид или определенная группа воспринимает и обрабатывает информацию в двусмысленных обстоятельствах, когда сталкивается с множеством незнакомых, сложных или неоднозначных ситуаций.

Budner (1962) описывает толерантность к неопределенности как личностную черту, которая позволяет человеку испытывать положительный интерес к неизвестным, неоднозначным ситуациям и рассматривать их как желательные, поскольку они являются источником опыта. При этом интолерантность понимается как личностная черта, предполагающая оценку неопределенных ситуаций как негативных, несущих угрозу, в связи с чем их необходимо избегать.

Как утверждает Stoycheva (2010) неопределенность или двусмысленность относится к отсутствию ясности либо из-за недостатка информации, либо из-за отсутствия согласованности в имеющейся информации, которая может исходить от неполных, фрагментированных или из противоречивых, непоследовательных, неконгруэнтных стимулов, которые не могут быть четко определены или поняты. При этом то, как люди переживают двусмысленную ситуацию, и что они делают в такой ситуации, свидетельствует об их толерантности/интолерантности к неопределенности. Терпимость, по мнению Stoycheva (2010), в отношении неопределенности указывает, в частности, на способность жить с ней, терпеть, действовать внутри нее.

Bochner (1965) попытался классифицировать то, что он называет первичными и вторичными характеристиками интолерантности. Первое включает в себя потребность в категоризации; стремление к определенности и избегание двусмысленности; неспособность допустить сосуществование положительных и отрицательных черт в одном и том же объекте; предпочтение знакомого незнакомому; неприятие отличного или необычного; ранний выбор и поддержание одного решения неоднозначной ситуации. Вторичные характеристики – это все черты, свойственные нетолерантной личности: авторитарность; догматичность; замкнутость; этническая предубежденность; тревожность.

Люди с низкой толерантностью к неопределенности (или по-другому интолерантностью к неопределенности) в случаях неоднозначности, быстрых изменений будут испытывать стресс, тревогу, и в целом ощущать ухудшение психологического состояния. Личности с высокой толерантностью наоборот будут легко адаптироваться, применять креативность и использовать свой потенциал. В целом мы сталкиваемся с разными пониманиями толерантности к неопределенности, в одних случаях толерантность будет означать умение человека совладать с текущей ситуацией неопределенности, в других под толерантностью подразумевается стремление и желание находиться в подобных условиях. Однако несмотря на то, что интолерантность к неопределенности нельзя назвать отрицательным качеством, она может приводить к психологическому дискомфорту конкретного человека и стагнации развития общества в целом. Поэтому именно сейчас, как уже было сказано, в условиях постоянно

меняющихся реалий, актуально изучать толерантность к неопределенности, а также факторы, приводящие к его формированию.

По мнению автора, на развитие отношения к неопределенности могут влиять особенности родительского воспитания.

Зачастую родители хотят как можно больше дать ребенку, упростить, обезопасить и улучшить его жизнь. Во многом, чтобы это сделать родители могут прибегать к излишней опеке ребенка, а некоторые могут использовать директивный стиль воспитания. Желая сделать ребенка и его жизнь лучше члены семьи часто не отдают себе отчет в том, к каким последствиям могут привести их попытки. Человек, с детства привыкший, что ему постоянно дают инструкцию как поступать или держат в «тепличных» условиях, будет испытывать больше стресса в неструктурированных, сложных и непредсказуемых ситуациях, чем дети, выросшие в других условиях. По мнению Орловой (2013) директивный стиль предполагает принятие любых решений в семье исключительно родителями без учета мнения ребенка, что избавляет его от права выбора. Подобное может привести к тому, что, не научившись в детстве анализировать ситуации и принимать решения, уже взрослый человек будет избегать ситуаций для него неизвестных как раз из-за необходимости действовать, исходя из собственных побуждений, без указа «сверху». Гиперопека как тип родительского поведения, основан на формировании зависимого положения детей, что оказывает влияние на их способности поиска решений в трудных ситуациях (Мазанович, 2014). К признакам гиперопеки при этом относят: постоянное внимание к ребенку, тотальный контроль, принятие всех решений за ребенка, сомнение относительно всех самостоятельно принятых идей ребенка (Волкова, Петрова, 2020).

Таким образом, целью исследования является изучение влияния директивного стиля воспитания и гиперопеки на формирование интолерантности к неопределенности.

Методы

В качестве эмпирического объекта исследования выступали 61 человек трудоспособного населения от 18 до 25 лет как мужского, так и женского пола без разделения их на группы. Данный отбор был сделан исходя из представлений о данной группе, как о выборке лиц, активно сталкивающихся с ситуациями неопределенности и имеющих возможности более объективно оценить стили родительского воспитания в силу своего возраста. Сбор всех ответов проходил с помощью использования Google Forms.

Для проверки гипотезы нами были использованы следующие методы: анализ отечественной и зарубежной научной литературы по проблеме исследования; в качестве эмпирических методов использовались анкетирование,

тестирование, методы качественной и количественной обработки данных, анализ и интерпретация полученных результатов. Были применены следующие методики: «Опросник Подростки о родителях (ПОР)» в адаптации Л. И. Вассерман, И. А. Горьковая, Е. Е. Ромицына, «Новый опросник толерантности к неопределенности».

При использовании методики «Опросник Подростки о родителях (ПОР)» наибольший интерес для нас представляла такие шкалы как «Шкала директивности», которая предполагает жесткий контроль со стороны родителя, а также «Шкала позитивного интереса», характеристики которой во многом проявляются в гиперопеке.

При использовании методики «Новый опросник толерантности к неопределенности» упор делается на шкалы «Толерантность» и «Интолерантность».

Надежность полученных данных обеспечивается достаточным объемом эмпирической выборки, а также благодаря методам математической статистики, использованным с целью выявления вероятностной связи показателей: корреляционный анализ с применением коэффициента Спирмена. Для обработки данных были использованы стандартные компьютерные программы статистического анализа данных: SPSS Statistica.

Результаты

В результате проведения исследования были выявлены следующие показатели.

По методике «Новый опросник толерантности к неопределенности» выявлено, что средний балл по шкале «Толерантность» соответствует – 57, а по шкале «Интолерантность» – 64, что говорит о тенденции к средним показателям по обеим шкалам внутри исследуемой группы, при этом большая часть респондентов имела средние или высокие значения по обеим шкалам (рис. 1, 2).

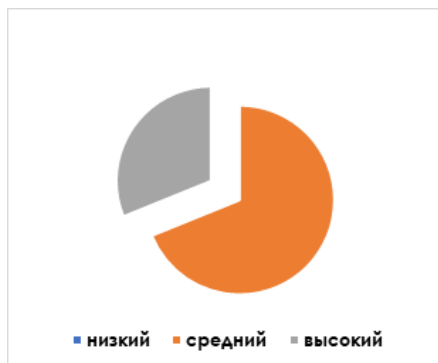

Рисунок 1. Количество респондентов с разными значениями «Толерантности».

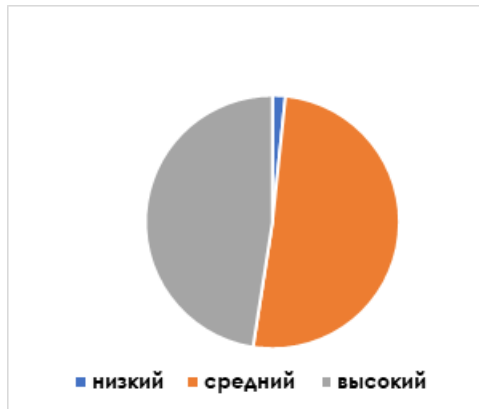

Рисунок 2. Количество респондентов с разными значениями «Интолерантности».

Далее перейдем к рассмотрению результатов, полученных с помощью методики ПОР. Средние баллы по шкалам «Директивности» и «Позитивного интереса» – 3 и 4 соответственно. Таким образом, среди группы обнаруживается тенденция к средне выраженному употреблению родителями такого стиля воспитания как директивность, и тенденция к частому применению гиперопеки. Количественное распределение респондентов в зависимости от уровня выраженности данных стилей воспитания представлено в таблице 1 (табл. 1).

Таблица 1.

Количество респондентов с разными показателями по методике «Подростки о родителях»

	Низкий	Средний	Высокий
Шкала директивности	17	16	28
Шкала позитивный интерес	11	13	37

Для обнаружения связей между исследуемыми параметрами был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена (непараметрический метод). В результате были получены значимые корреляции, представление которых можно увидеть в таблице 2 (табл. 2).

Таблица 2.
Результаты корреляционного анализа.

Корреляция	Сила связи	Уровень значимости	Описание
Толерантность & Директивность	-,375**	$P \leq 0,01$	Статистически значимая умеренная отрицательная связь
Интолерантность & Директивность	,647**	$P \leq 0,01$	Статистически значимая средняя положительная связь
Интолерантность & Позитивный интерес	0,314*	$P \leq 0,05$	Статистически значимая умеренная положительная связь

Исходя из результатов корреляционного анализа, можно увидеть, что между толерантностью к неопределенности и директивным стилем воспитания существует статистически значимая умеренная отрицательная связь. Это говорит о том, что чем больше в семье присутствуют догматичные правила, запреты и непринятие мнения ребенка, тем с большей вероятностью у него будет снижена толерантность к неопределенности. Этот факт также подтверждается наличием статистически значимой средней положительной связи между интолерантностью к неопределенности и директивным стилем воспитания. Также мы обнаруживаем значимую умеренную положительную связь между интолерантностью к неопределенности и позитивным интересом. Таким образом, восприятие ребенка как несамостоятельного, стремление решать все проблемы за него, а также излишнее желание оберегать его может приводить к формированию интолерантной к неопределенности личности.

Обсуждение результатов

Как утверждают Колмановский и Сиромаша (2015) стили воспитания и общения, построенные на доверие дающие ребенку больше свободы в принятие выбора, дают основу для развития творческой, креативной личности. Директивный стиль воспитания, при котором не учитывается мнение ребенка, препятствует развитию креативности. В работе Любачевской (2013) приводятся данные относительно наличия связи толерантности к неопределенности и проявлений креативности. Чем более у личности проявляется креативность, тем больше она стремится к ситуациям, в которых может ее проявить. Соответственно директивный стиль воспитания препятствуя развитию творческой личности приводит к снижению уровня толерантности к неопределенности, что подтверждает результаты исследования.

Zenasni et al. (2008) также говорят о связи креативности, толерантности к неопределенности и стилем воспитания. По их представлениям стиль воспитания может оказывать значительное влияние на креативность. Например, нежесткий стиль воспитания способствует самовыражению и независимости и, следовательно, поддерживает оригинальность. Данные их исследования показывают, что существует значительная положительная связь между креативностью и терпимостью к двусмысленности. Чем больше люди склонны к творчеству (генерируют оригинальные и неповторимые идеи, создают креативные истории, сообщают о творческих характеристиках), тем больше они терпимы к двусмысленности.

Демиденко и Власов (2013) утверждают, что трудные ситуации, с которыми сталкивается человек, определяют его отношение к ним. Аспектом отношения к трудным ситуациям при этом выступает также толерантность к неопределенности. Среди трудных жизненных ситуаций повышенного риска,

характерных для детей, исследователи выделяют чрезмерно требовательную семью (доминирующая гиперопека).

Волкова и Петрова (2020) также указывают на то, что людям, выросшим в условиях гиперопеки, свойственно проявлять такой тип защитной реакции как избегание в сложных, неструктурированных и неясных для них ситуациях. Подобная реакция является характерной для личностей, не переносящих неопределенность. Мазанович (2014) подтверждает эти данные: вследствие чрезмерной опеки, лишаящей ребенка возможности самостоятельного поиска решений, утрачивается способность к мобилизации ресурсов организма, которые позволяют справляться с ситуациями неопределенности.

Furnham & Marks (2013) также приводят данные относительно того, что в их исследовании общая шкала толерантности к неопределенности также коррелировала с авторитаризмом, идеализмом родителей и подчинением им.

Voz & Ergeneli (2014) приводят следующие данные. При ободряющем стиле родители стимулируют своих детей идти на риск и внедрять инновации. С другой стороны, в ограничивающем эффекте, т. е. при директивном стиле воспитания родители играют роль ограничителя в мыслях, решениях и социальных связях ребенка. Поведение и установки, связанные с низкой осведомленностью о рисках, закрепляемые родителями при директивном стиле и гиперопеке, приводят к формированию низкой толерантности к двусмысленности, что подтверждает полученный в исследовании результат.

Заключение

В результате проведенного исследования гипотеза, заключающаяся в том, что интолерантность к неопределенности имеет положительную связь с директивным стилем воспитания и гиперопекой, была подтверждена при помощи количественного и статистического анализа результатов.

Литература

- Волкова, М. А. Петрова, С.С. (2020). Проблема гиперопеки в семье. *Вопросы педагогики*, 11(2), 79–82.
- Демиденко, Р.Н., Власова, В.В. (2013). Эмоциональный интеллект как предиктор стратегий поведения в трудных жизненных ситуациях. *Вестник АлтГПА: непрерывное педагогическое образование в трансграничном пространстве*, 17, 90–94.
- Колмановский, А. Э., & Сиромаха, О.В. (2015). Внимание к чувствам ребёнка как средство воспитания творческой личности: Материалы III Международной научно-практической конференции «современные тенденции развития науки и технологий». Белгород: Эпицентр.
- Леонов, И.Н. (2014). Толерантность к неопределенности как психологический

- феномен: история становления конструкта. *Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*, 4, 43–52.
- Любачевская, Е.А. (2013). Толерантность к неопределенности как личностный феномен. *Акмеология*, 3(47), 78–80.
- Мазанович, А.А. (ред.). (2014, апрель). Гиперопека как стиль семейного воспитания: материалы XXI Республиканской студенческой научно-практической конференции. Мозырь: МГПУ им. И. П. Шамякина.
- Найденова Е.В. (2022). Влияние синдрома отложенной жизни на удовлетворенность жизнью личности. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 5(3), 31–42. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2022-5-3-31-42>
- Орлова, К.М. (2013). Стратегии воспитания в семье: зарубежный опыт исследования. *Психологическая наука и образование psyedu.ru*, 4, 280–287.
- Панова, В.С. (2021). Взаимосвязь толерантности к неопределенности со смысловыми и ценностными ориентациями. *Психологические проблемы смысла жизни и акмеологии*, 1(1), 292–297. doi: 10.24412/cl-35781-2021-1-292-297
- Bochner, S. (1965). Defining intolerance of ambiguity. *Psychological Record*, 15, 393–400
- Boz, A., & Ergeneli, A. (2014). Women Entrepreneurs' Personality Characteristics and Parents' Parenting Style Profile in Turkey. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 109, 92–97. doi: 10.1016/j.sbspro.2013.12.425
- Budner, S. (1962). Intolerance of ambiguity as a personality variable. *Journal of Personality*, 30(1), 29–50. doi: 10.1111/j.1467-6494.1962.tb02303.x
- Furnham, A., & Marks, J. (2013). Tolerance of Ambiguity: A Review of the Recent Literature. *Psychology*, 04(09), 717–728. doi: 10.4236/psych.2013.49102
- Furnham, A., & Ribchester, T. (1995). Tolerance of ambiguity: A review of the concept, its measurement and applications. *Current Psychology*, 14(3), 179–199. doi: 10.1007/bf02686907
- Stoycheva, K. (2010). Tolerance for ambiguity, creativity, and personality. *Bulgarian Journal of Psychology*, 1(4), 178–188.
- Zenasni, F., Besançon, M., & Lubart, T. (2008). Creativity and Tolerance of Ambiguity: An Empirical Study. *The Journal of Creative Behavior*, 42(1), 61–73. doi: 10.1002/j.2162-6057.2008.tb01080.x

References

- Bochner, S. (1965). Defining intolerance of ambiguity. *Psychological Record*, 15, 393–400
- Boz, A., & Ergeneli, A. (2014). Women Entrepreneurs' Personality Characteristics and Parents' Parenting Style Profile in Turkey. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 109, 92–97. doi: 10.1016/j.sbspro.2013.12.425

- Budner, S. (1962). Intolerance of ambiguity as a personality variable. *Journal of Personality*, 30(1), 29–50. doi: 10.1111/j.1467-6494.1962.tb02303.x
- Demidenko, R. N., Vlasova, V. V. (2013). Emotional intelligence as a predictor of behavior strategies in difficult life situations. *Bulletin of AltGPA: Continuous pedagogical education in the cross-border space*, 17, 90–94.
- Furnham, A., & Marks, J. (2013). Tolerance of Ambiguity: A Review of the Recent Literature. *Psychology*, 04(09), 717–728. doi: 10.4236/psych.2013.49102
- Furnham, A., & Ribchester, T. (1995). Tolerance of ambiguity: A review of the concept, its measurement and applications. *Current Psychology*, 14(3), 179–199. doi: 10.1007/bf02686907
- Kolmanovsky, A.E., & Siromakha, O.V. (2015). Attention to the feelings of a child as a means of educating a creative personality: Materials of the III International Scientific and Practical Conference "Modern trends in the development of science and technology". Belgorod: Epicenter.
- Leonov, I.N. (2014). Tolerance to uncertainty as a psychological phenomenon: the history of the formation of the construct. *Bulletin of the Udmurt University. The series "Philosophy. Psychology. Pedagogy"*, 4, 43–52.
- Lyubachevskaya, E. A. (2013). Tolerance to uncertainty as a personal phenomenon. *Acmeology*, 3(47), 78–80.
- Mazanovich, A.A. (ed.). (2014, April). Overprotection as a style of family education: materials of the XXI Republican Student Scientific and Practical conference. Mozyr: I. P. Shamyakin Moscow State Pedagogical University.
- Naidenova, E.V. (2022). The influence of the delayed life syndrome on the satisfaction with the life of the individual. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 5(3), 31–42. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2022-5-3-31-42>
- Orlova, K.M. (2013). Strategies of parenting in the family: foreign research experience. *Psychological science and education psyedu.ru*, 4, 280–287.
- Panova, V.S. (2021). The relationship of tolerance to uncertainty with life-meaning and value orientations. *Psychological Problems of the Meaning of Life and Acmeology*, 1(1), 292–297. doi: 10.24412/cl-35781-2021-1-292-297
- Stoycheva, K. (2010). Tolerance for ambiguity, creativity, and personality. *Bulgarian Journal of Psychology*, 1(4), 178–188.
- Volkova, M.A. Petrova, S. S. (2020). The problem of overprotection in the family. *Questions of Pedagogy*, 11(2), 79–82.
- Zenasni, F., Besançon, M., & Lubart, T. (2008). Creativity and Tolerance of Ambiguity: An Empirical Study. *The Journal of Creative Behavior*, 42(1), 61–73. doi: 10.1002/j.2162-6057.2008.tb01080.x

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.99

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2022.4.2>**Аффективно-когнитивные предикторы академической успешности современных студентов: аналитический обзор****Виктория С. Юхно**

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: vyukhno21@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3426-9804>**Екатерина Г. Денисова**

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: keithdenisova@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0240-8176>**Аннотация**

Многих современных психологов интересует вопрос о том, что влияет на академическую успешность, поскольку студенты получают совершенно различные результаты в ходе познавательного процесса. Не иссякающий интерес к проблеме академической успешности в современной психологии обусловлен возрастанием значимости для современного человека определенного уровня самооффективности, а также повышением требований к эффективности образовательного процесса, в том числе, академической успешности студентов на разных ступенях обучения. Новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу данной проблемы, а именно к рассмотрению как когнитивных, так и аффективных предикторов академической успешности в современных условиях.

Целью работы является анализ специфики аффективных и когнитивных предикторов академической успешности студентов. В данной статье представлен обзор современных теоретических и эмпирических исследований, посвященных зависимости академической успешности от уровня выраженности характеристик когнитивных способностей, метакогнитивных навыков, эмоционального интеллекта и эмоций. Поиск литературных источников был выполнен на базе поисковой системы Google Академия, а также с использованием ресурсов Научной электронной библиотеки (eLIBRARY.ru, КиберЛенинка). Отбор источников

производился преимущественно за период с 2007 по 2022 год. Анализ позволяет заключить, что аффективные и когнитивные характеристики действительно оказывают значительное влияние на академическую успешность студентов. В результате были выделены определенные компоненты, влияющие на уровень академической успешности студентов, такие как: интеллект и креативность, когнитивные стили и метакогнитивные навыки, эмоциональный интеллект и эмоции. Результаты теоретического обзора могут быть использованы для раннего выявления возможных проблем в усвоении учебного содержания образовательных программ, их профилактики, а также разработки программ сопровождения и коррекции академического перформанса через повышение уровня рефлексии, развитие эмоционального интеллекта, креативности и метакогнитивных навыков.

Ключевые слова: академическая успешность, интеллект, креативность, метакогнитивные навыки, стили мышления, эмоциональный интеллект, эмоции

Для цитирования

Южно В.С., Денисова Е.Г. (2022). Аффективно-когнитивные предикторы академической успешности современных студентов: аналитический обзор. Северо-Кавказский психологический вестник, 20(4), 17–26. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2022.4.2>

Research article

UDC 159.99

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2022.4.2>

Affective and cognitive predictors of academic performance of contemporary students: an analytical review

Victoria S. Yukhno

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: vyukhno21@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3426-9804>

Ekaterina G. Denisova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: vyukhno21@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0240-8176>

Abstract

Many modern psychologists are interested in the question of what influences academic performance, as students get quite different results during the learning process. Continuous interest in the problem of academic performance in modern psychology is related to increasing importance of a certain level of self-efficacy for modern people, as well as increased requirements for the effectiveness of the educational process, including the academic success of students at different levels of education. The novelty of the research lies in the comprehensive approach to the analysis of this problem, namely, the consideration of both cognitive and affective predictors of academic performance in modern conditions.

The aim of the paper is to analyze the specificity of affective and cognitive predictors of students' academic performance. This article presents a review of contemporary theoretical and empirical studies, which are devoted to the dependence of academic performance on the level of expression of cognitive abilities, metacognitive skills, emotional intelligence and emotions. The search of literary sources was performed on the basis of Google Academy search system, as well as using the resources of Scientific Electronic Library (eLIBRARY.ru, CyberLeninka). The selection of sources was made mainly for the period from 2007 to 2022. The analysis allows us to conclude that affective and cognitive predictors have a significant impact on the academic performance of students. As a result, certain predictors influencing the level of students' academic performance were identified, such as intelligence and creativity, cognitive styles and metacognitive skills, emotional intelligence and emotions. The results of the theoretical review can be used for early identification of possible problems in learning processes of educational programs, their prevention, as well as the development of programs of support and correction of academic performance by increasing the level of reflection, development of emotional intelligence, creativity and metacognitive skills.

Keywords: Academic performance, intelligence, creativity, metacognitive skills, cognitive styles, emotional intelligence, emotions

---

For citation

Yukhno V.S., Denisova E.G. (2022). Affective and cognitive predictors of academic performance of contemporary students: an analytical review. Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik (North-Caucasian Psychological Bulletin), 20(4), 17–26. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2022.4.2>

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что перед многими исследователями в области психологии ставится вопрос что влияет на академическую

успешность, поскольку студенты получают совершенно различные результаты в ходе познавательного процесса. Это обусловлено повышением требований уровня самоэффективности современного человека, а также вопросами по повышению эффективности образовательного процесса. Одним из показателей самоэффективности может являться академическая успешность студентов на разных ступенях обучения.

Сущность академической успешности разными авторами понимается совершенно по-разному. А. А. Абросимов, О. В. Бирина рассматривает данное понятие как результат учебной деятельности, выраженной в отметке (Абросимов, 2012). Академическую успешность можно определить по нескольким критериям, внутренним и внешним. Очевидно, что к внутренним критериям относят академическую успеваемость, качество знаний, степень развития тех или иных профессиональных навыков. И академическая успеваемость, в данном случае, определяется не просто как итог учебной деятельности, а скорее как конкретный результат в виде балльной оценки (Биринa, 2014). Кроме того, академическая успешность может быть связана с метакогнитивными навыками (Денисова, 2022).

Таким образом, сегодня нет единого мнения о том, какие же предикторы влияют на академическую успешность студентов. В этой связи нашей целью стало определение ключевых когнитивных и аффективных предикторов, влияющих на уровень академической успешности.

Теоретическое обоснование

1. Влияние интеллекта и креативности на академическую успешность

Большинство исследований, посвященных роли когнитивных предикторов в академической успешности, указывают на влияние когнитивных способностей, а именно интеллекта и креативности. Интеллект рассматривается как способность умственно решать проблемы и поставленные задачи. В метааналитических исследованиях была подтверждена эта мысль, что высокий уровень развития общего интеллекта влияет на академическую успеваемость студентов (Roth et al., 2015).

Исследование Марченко А. В. продемонстрировало, что студенты с высоким уровнем интеллекта, свидетельствующим о подвижности мышления, высоком уровне общей культуры у студентов данной группы, самостоятельности в решении интеллектуальных задач и самоуверенности, отличаются высокой успеваемостью. А студенты со средним уровнем интеллекта по всем факторам данной группы уступают студентам с более высоким уровнем интеллекта, но незначительно. (Марченко, 2016).

Другим когнитивным предиктором можно выделить креативность. Большинство исследований подтверждают значимость креативности

в академической успешности студентов вместе с интеллектом. Однако, сравнивая эти две характеристики, креативность является менее значимой в определении академической успеваемости студентов, хотя и является важным навыком, определяющим жизненный успех. Это объясняется тем, что образовательная программа или педагогические методы не всегда требуют от студентов проявления креативности. Двойнин А. М. в своем исследовании объяснял несильную связь креативности с образовательными результатами умеренной корреляцией креативности с психометрическим интеллектом, который в свою очередь является сильным предиктором академической успешности. При этом следует принимать во внимание то, что интеллект является необходимым, но недостаточным условием высоких творческих способностей (Двойнин & Троцкая, 2022). Метааналитические исследования подтверждают данную мысль, показывая, что связь между академическим успехом и креативностью существует, однако достаточно слабая, и она зависит также от уровня образования. Прогностическая сила креативности достаточно разнообразна в зависимости от дисциплины, так как некоторые преподаватели больше ценят проявление креативных способностей, чем другие. В исследовании Р. А. Freund продемонстрировано, что на низком уровне интеллекта креативность играет менее значительную роль на уровень академической успешности, чем на высоком (Freund & Holling, 2008). Это означает, что помимо креативности и интеллекта, стоит рассмотреть и другие возможные когнитивные предикторы академической успешности, так как они не являются однозначными из-за большой вариативности протекания академического процесса и их сильного взаимовлияния друг на друга.

2. Влияние стилей мышления и метакогнитивных навыков на академическую успешность

Помимо классических когнитивных предикторов в виде интеллекта и креативности, в литературе встречаются и другие предикторы, играющие немаловажную роль в академической успешности студентов, такие как стили мышления и метакогнитивные навыки.

Так, А. К. Белоусова рассматривает стиль мышления как сочетание функций, нацеленных на производство и развитие личностных новообразований и проявляющихся в динамике и направленности мыслительной деятельности человека (Белоусова и др., 2016). Р. Стернберг определяет стиль мышления как предпочитаемую систему использования имеющихся способностей (Sternberg, 1999). S. Valenzuela, S. Riveiro, J. Manue в своем исследовании подтвердили, что группы учащихся с более низким уровнем успеваемости имеют более низкие уровни использования стратегии обучения (Valenzuela et al., 2019). Например, авторитарный стиль мышления дает худшие результаты академической успеваемости,

а именно в стратегии поиска помощи и организации своей учебной деятельности. Исследование, проведенное О. А. Халифаевой показало, что в учебной деятельности наиболее успешны обучающиеся, обладающие практическим стилем мышления, а наименее – студенты с критическим стилем мышления. Это подтверждает мысль о том, что люди с различным стилем мышления имеют разную степень академической успешности. (Халифаева и др., 2020).

Рассматривая когнитивные способности, необходимо указать также и о роли метакогнитивных навыков в академической успешности студентов, а именно рефлексии. Рефлексия рассматривается как особый метакогнитивный процесс. Метакогнитивные процессы основаны на рефлексии субъектом собственной познавательной деятельности. Метапознание является системой знаний субъекта о познавательной деятельности, а также о психических процессах, обеспечивающих саморегуляцию познавательной деятельности (Чернокова, 2011). На современном этапе образовательный процесс на высшей ступени обучения предполагает освоение студентами огромного объема теоретических данных и умение оперировать сложными абстракциями. Для успешного выполнения этих задач необходимо актуализировать свои метакогнитивные способности, в том числе способность к рефлексии.

Метакогнитивные навыки включают в себя способность к саморегуляции и самоорганизации в познавательном процессе, а также способность отслеживать процесс и прогресс познания, проводить самопроверку результатов деятельности (Денисова и др., 2022). Рефлексия выполняет функцию сознательного регулирования своей деятельности посредством развитых метакогнитивных процессов, которые дают возможность обращаться к своему прежнему опыту и анализировать его. Так, познавательные возможности и способности к обработке информации в знании зависят от метакогнитивных умений обучающегося.

3. Влияние эмоций и эмоционального интеллекта на академическую успешность

В учебной деятельности, помимо когнитивных способностей студента, имеют роль также и эмоции, поскольку именно они играют побудительную роль к образовательному процессу. Еще С. Л. Рубинштейн утверждал, что эмоция является формой потребности и выступает психическим побудителем к той или иной деятельности. Е. П. Ильин считал, что мотивация – это сложная иерархическая структура и эмоции являются одним из компонентов этой структуры. Пырьев Е. А. в своем исследовании подтверждает мысль о том, что эмоции являются мотивами, которые побуждают поведение человека и определяют аспект его деятельности. Переживание тех или иных эмоций создает определенную силу, направляющую поведение человека к активности (Пырьев & Горюнова, 2016).

Более современные исследования продемонстрировали, что способность выстраивать межличностные отношения, управлять своими эмоциями, а также понимать чужие эмоции действительно необходимы для обеспечения успешности повседневной жизни. Д. Гюлман определил эмоциональный интеллект как способность распознавать эмоции, возможность мотивировать себя, а также управлять эмоциями для достижения успеха в той или иной деятельности (Гюлман, 2009). Исследования бесспорно подтверждают взаимосвязь эмоционального интеллекта с академической успешностью студентов. Исследование Г. Е. Запорожцевой показало, что эмоциональный интеллект и успеваемость студентов находятся во взаимосвязи, развитие эмоционального интеллекта в вузах совершенствует интеллектуальные и творческие способности студентов, что способствует их профессиональному развитию (Запорожцева и др., 2021). Исследования А. Jaeger и М. Eagan продемонстрировали, что высокий уровень эмоционального интеллекта, а именно способность управлять своими эмоциями (стрессом), является ключевым фактором, влияющим на академическую успешность студентов (Jaeger & Eagan, 2007).

Обсуждение результатов

Проблема определения аффективных и когнитивных предикторов академической успешности студентов, рассматриваемая в данной работе, является актуальной для психологии образования в связи с трансформацией структуры образовательного процесса, в результате информатизации. Таким образом, аналитический обзор современной научной литературы позволяет сделать следующие выводы:

1. Исследования субъективных и объективных факторов академической успешности и трудностей в обучении ведутся с тех пор, как в обществе стала распространяться идея массового образования. В разные исторические эпохи в качестве наиболее значимых предикторов называли различные феномены. Вероятно, это связано с эволюцией представлений о структуре личности, а также с развитием социальных и образовательных практик.

2. В эмоциональной сфере наибольшее значение для академической успешности приобретают эмоции и эмоциональный интеллект. Эмоции играют важную побудительную и подкрепляющую функцию для академического перформанса студентов. В свою очередь, развитие эмоционального интеллекта важно для профилактики тех или иных проблем в образовательном процессе. Он является определяющим фактором в связи с широтой своих функций, так как эмоциональный интеллект включает в себя способность управлять и понимать свои и чужие эмоции, строить межличностные отношения, которые также важны в образовательной среде, в которой находятся студенты. Все эти факторы, очевидно, влияют на уровень академической успешности студентов.

3. Когнитивными предикторами академической успешности можно назвать когнитивные стили, метакогнитивные навыки, а именно рефлексивность и креативность, в зависимости от вида образовательного процесса. Интеллект и креативность, безусловно, являются важными предикторами академической успеваемости студентов, однако они сильно взаимовлияют друг на друга. При повышении уровня интеллекта повышается и значимость креативности как предиктора академической успешности, что означает, что эти два предиктора не являются надежными факторами академической успешности. По этой причине влияние когнитивных стилей и метакогнитивных навыков (рефлексии) на уровень академической успешности студентов были также изучены.

Литература

- Абросимов, А. А. (2012). Гуманитарная подготовка и академическая успеваемость студентов. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки*, 2(18), 5–9.
- Белоусова, А. К., Сахабутдинова, Э., Огнищева, И. (2016). Взаимосвязь типа и стиля мышления менеджеров и студентов с креативностью. *Когнитивные исследования на современном этапе: сборник статей Седьмой Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону*, 116–120.
- Бирин, О. В. (2014). Понятие успешности обучения в современных педагогических и психологических теориях. *Фундаментальные исследования*, 8(2), 438–443.
- Гоулман, Д. (2009). Эмоциональный интеллект. Москва.
- Двойнин, А. М., Троцкая, Е. С. (2022). Когнитивные предикторы академической успешности: как общие закономерности «работают» на ранних этапах образования. *Психологическая наука и образование*, 27(2), 42–52. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270204>
- Денисова Е.Г. (2022). Разработка анкеты самооценки метакогнитивного поведения «Метакогнитивные навыки в структуре учебно-профессиональной деятельности». *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*. 5(2), 6–24. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2022-5-2-6-24>
- Денисова, Е. Г., Ермаков, П. Н., Абакумова, И. В., Сылка, Н. В. (2022). Эмоционально-личностные и метакогнитивные предикторы психологического благополучия студентов в современных условиях. *Психологическая наука и образование*, 27(5), 85–96. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270507>
- Запорожцева, Г. Е., Шолтоян, Ю. О., Васильченко, А. Ю. (2021). Взаимосвязь эмоционального интеллекта с академической успеваемостью студентов. *Общество: социология, психология, педагогика*, 6(86), 67–76.
- Марченко, А. В. (2016). Личностные особенности студентов с разной академической успеваемостью. *Молодой Ученый*, 24(128), 292–296.

- Пырьев, Е. А., Горюнова, Е. А. (2016). Эмоции студентов вуза в аспекте эффективности их учебно-профессиональной деятельности. *Концепт*, 11, 4106–4110.
- Халифаева, О. А., Коленкова, Н. Ю., Тюрина, И. Ю., Фадина, А. Г. (2020). Взаимосвязь стилей мышления и академической успеваемости студентов. *Образование и наука*. 22(7), 52–76.
- Чернокова, Т. Е. (2011). Метакогнитивная психология: проблема предмета исследования. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 3, 153–158.
- Freund, P. A., Holling, H. (2008). Creativity in the classroom: A multilevel analysis investigating the impact of creativity and reasoning ability on GPA. *Creativity Research Journal*, 20(3), 309–318. <https://doi.org/10.1080/10400410802278776>
- Jaeger, A. J. & Eagan, M. K. (2007) Exploring the value of emotional intelligence: A means to improve academic performance. *NASPA Journal*. <https://doi.org/10.2202/1949-6605.1834>
- Roth, B., Becker, N., Romeyke, S., Schäfer, S., Domnick, F., Spinath, F. M. (2015). Intelligence and school grades: A meta-analysis. *Intelligence*, 53, 118–137. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2015.09.002>
- Sternberg, R. J. (1999). *Thinking Styles*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511584152>
- Valenzuela, S., Riveiro, S., Manuel, J. (2019). Learning strategies and academic goals as a function of gender, parenting styles and performance on high school students. *Revista compolutense de educacion*, 1(30), 167–184.

References

- Abrosimov, A. A. (2012). Humanitarian training and academic performance of students. *Vestnik (Herald) of Samara State Technical University. Series: Psychological and pedagogical sciences*, 2(18), 5–9.
- Belousova, A. K., Sahabutdinova, E., Ognischeva, I. (2016). Interrelation of the type and style of thinking of managers and students with creativity. *Cognitive research at the present stage: collection of articles of the Seventh International Scientific-Practical Conference. Rostov-on-Don*, 116–120.
- Birina, O. V. (2014). The concept of learning success in modern pedagogical and psychological theories. *Fundamental Research*, 8(2), 438–443.
- Chernokova, T. E. (2011). Metacognitive psychology: the problem of the subject of research. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 3, 153–158.
- Denisova, E.G. (2022). Development of a self-assessment questionnaire for metacognitive behavior "Metacognitive skills in the educational and professional activities". *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 5(2), 6–24.

- <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2022-5-2-6-24>
- Denisova, E. G., Ermakov, P. N., Abakumova, I. V., Sylka, N. V. (2022). Emotional-personal and metacognitive predictors of students' psychological well-being in modern conditions. *Psychological Science and Education*, 27(5), 85–96. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270507>
- Dvoinin, A. M., Trotskaya, E. S. (2022). Cognitive predictors of academic success: How general patterns "work" in early education. *Psychological Science and Education*, 27(2), 42–52. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270204>
- Freund, P. A., Holling, H. (2008). Creativity in the classroom: A multilevel analysis investigating the impact of creativity and reasoning ability on GPA. *Creativity Research Journal*, 20(3), 309–318. <https://doi.org/10.1080/10400410802278776>
- Goleman, D. (2009). *Emotional intelligence*. Moscow, 478.
- Jaeger, A. J. & Egan, M. K. (2007) Exploring the value of emotional intelligence: A means to improve academic performance. *NASPA Journal*. <https://doi.org/10.2202/1949-6605.1834>
- Khalifaeva, O. A., Kolenkova, N. Y., Tyurina, I. Y., Fadina, A. G. (2020). Interrelation of thinking styles and academic performance of students. *Education and science*, 22(7), 52–76.
- Marchenko, A. V. (2016). Personality features of students with different academic performance. *Young Scientist*, 24(128), 292–296.
- Pyryev, E. A., Goryunova, E. A. (2016). Emotions of university students in the aspect of the effectiveness of their educational and professional activity. *Concept*, 11, 4106–4110.
- Roth, B., Becker, N., Romeyke, S., Schäfer, S., Domnick, F., Spinath, F. M. (2015). Intelligence and school grades: A meta-analysis. *Intelligence*, 53, 118–137. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2015.09.002>
- Sternberg, R. J. (1999). *Thinking Styles*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511584152>
- Valenzuela, S., Riveiro, S., Manuel, J. (2019). Learning strategies and academic goals as a function of gender, parenting styles and performance on high school students. *Revista compolutense de educacion*, 1(30), 167–184.
- Zaporozhtseva, G. E., Sholtoyan, Y. O., Vasilchenko, A. Y. (2021). Interrelation of emotional intelligence with students' academic performance. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 6(86), 67–76.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2022.4.3>**К проблеме адаптации студентов-первокурсников высших учебных заведений гуманитарного профиля****Виктория Д. Вороная**

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: voronaya@sfedu.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9984-2245>**Евгений А. Проненко**

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: pronenko@sfedu.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6032-6059>**Аннотация**

Во **«Введении»** говорится о том, что ввиду динамичной смены образовательных условий вопрос адаптации студентов-первокурсников остается актуальным. С одной стороны, проблемы остаются теми же, с другой – возникают трудности, связанные с изменениями общественной обстановки. Целью данного исследования является анализ трудностей и проблем, характерных для студентов-первокурсников, и оценка их субъективной трудности. Новизна исследования заключается в дополнении существующих исследований проблемами, ранее не поднимающимися или мало освещенными авторами (например, негативные чувства у студентов после ответа на семинаре, сравнение себя с одногруппниками). **Методы:** использован авторский опросник из 14 вопросов, позволяющий с помощью семантического дифференциала оценить субъективную трудность воспринимаемых студентами проблем; результаты были проанализированы с помощью математической обработки и контент-анализа. **Результаты:** трудностями, характерными для половины всех опрошенных, выступают ощущение неопределенности времени начала семестра (особо тревожащий 22% опрошенных), страх ошибиться (особо значимый для 33% студентов) и страх не найти контакт с одногруппниками (также значимый для 33% студентов). На момент исследования 68% первокурсников отмечают стабилизацию ситуации и решение проблем, однако 32% указывают на оставшиеся беспокоящие трудности. Из них 21% студентов отмечают негативные переживания после ответов на семинаре, 15% – страх ошибиться, 15% – проблему

сравнения себя с одноклассниками, 13% и 10% – проблемы внутригрупповой сплоченности и планирования времени соответственно. 63% первокурсников указали на значительную помощь в адаптации кураторов и наставников. В **обсуждении результатов** указывается на определенную согласованность ряда проблем, что отсылает к актуальности практического применения исследований.

Ключевые слова: адаптация, студенты-первокурсники, адаптированность, кураторство, трудности адаптации

Для цитирования

Вороная В.Д., Проненко Е.А. (2022). К проблеме адаптации студентов-первокурсников высших учебных заведений гуманитарного профиля. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 20(4), 27–43. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2022.4.3>

Research article

UDC 159.9

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2022.4.3>

To the problem of adaptation of freshmen of the humanitarian higher educational institutions

Victoria D. Voronaya

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: voronaya@sfedu.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9984-2245>

Evgeny A. Pronenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: pronenko@sfedu.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6032-6059>

Abstract

The **«Introduction»** says that due to the dynamic change of educational conditions, the issue of adaptation of first-year students remains relevant. The **purpose** of this study is to analyze the difficulties and problems of first-year students and their subjective perception of difficulties. The **novelty** of the research lies in expanding existing researches with problems that were poorly described by the authors (for example, negative feelings after answering a topic, comparing with classmates). **Methods:** we

used the author's questionnaire of 14 questions, which allows to assess the subjective difficulty of the problems perceived by students. The results were analyzed using mathematical processing and content analysis. **Results:** difficulties characteristic of half of all respondents are a feeling of uncertainty about the start of the studying (especially disturbing 22% of respondents), fear of making mistakes (especially significant for 33% of students) and fear of not finding contact with classmates (also significant for 33% of students). At the time of the study, 68% of first-year students noted the solution of problems, but 32% indicated the remaining disturbing difficulties. Of these, 21% of students report negative feelings after answering the topics, 15% – fear of making mistakes, 15% – the problem of comparing themselves with classmates, 13% – problems of group communication and 10% – time planning problems. 63% of first-year students indicated significant assistance by mentors. In the **discussion of the results** we described the similar problems that is indicated by the authors. Our researches refer to the relevance of the practical application of the results.

Keywords: adaptation, freshmen, adaptability, curatorship, difficulties of adaptation

For citation

Voronaya V.D., Pronenko E.A. (2022). To the problem of adaptation of freshmen of the humanitarian higher educational institutions. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik (North-Caucasian Psychological Bulletin)*, 20(4), 27–43. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2022.4.3>

Введение

Адаптация как установление оптимального соответствия личности студента и восприятия им университетской среды является актуальным предметом анализа и рассмотрения (Назмутдинов, 2018; Борушко, 2019; Маховицкая, 2020; Седанкина, 2022 и др.). Авторами выделяются разнонаправленные проблемы и трудности в адаптации студентов и восприятие ими их субъективной сложности; рассматривается процесс адаптации, его стадии, характеристики и типы.

Так, Маховицкая выделяет несколько типов адаптации (Маховицкая, 2020):

1. Психофизиологическая адаптация как привыкание организма к умственным и физическим нагрузкам и перегрузкам;
2. Профессиональная адаптация как формирование первичного отношения к выбору профессии, оценка его адекватности субъекту и личной привлекательности;
3. Социально-психологическая адаптация как социализация, вступление в систему принципиально новых социальных связей.

Они требуют определенных личностных факторов (Маховицкая, 2020).

К таким личностным факторам относятся:

1. *Мотивационный* как наличие или отсутствие побуждающих к продолжению учебно-профессиональной деятельности факторов;
2. *Когнитивный* как осведомленность и знание о требованиях учебного заведения, принципах, структурах изучаемых предметов;
3. *Коммуникативный* как способность к общению как с одногруппниками, так и с преподавателями;

Эмоционально-волевой как необходимость адекватной самооценки, низкого уровня личностной тревожности и навыков саморегуляции и самоорганизации (Седанкина, 2022).

Адаптация неразрывно связана и с процессом развития личности, степенью мобилизации ее ресурсов, уровнем активности, личностными смыслами, мотивационной и эмоциональной компонентами деятельности (Борушко, 2019). Онтологический статус студенческого возраста подразумевает определенный уровень напряженности студентов в их внутриличностных отношениях. В это время происходят выстраивание системы жизненных ориентиров, планов и целей, вступление в самостоятельную жизнь, формирование реальных представлений о себе. Отмечается, что у части студентов могут возникнуть: рассогласование между прошлой жизнью, до ВУЗа, и нынешней, в условиях студенчества; размытие представлений о себе; страх взросления и самостоятельности, вплоть до ощущения студентом потери себя; сомнение в выборе профессии и сожаление о потраченном на поступление времени (Калиниченко и Назмутдинов, 2018).

Адаптация студентов-первокурсников подразумевает несколько основных стадий (Батуева и др., 2019). Неготовность признания и принятия системы ценностей новой среды вуза и группы на начальном этапе сменяется этапом терпимости, а затем и аккомодации, то есть адекватного их восприятия и признания. Со временем может сформироваться ассимиляция как совпадение систем ценностей индивида, группы и среды.

Таким образом, **целью** настоящего исследования является анализ возникающих трудностей и проблем, характерных для периода адаптации в высшем учебном заведении, и анализ восприятия их субъективной трудности самими студентами.

Теоретическим объектом исследования выступает оценка студентами трудности в адаптации к условиям ВУЗа, **эмпирическим объектом** – 109 студентов-первокурсников Южного Федерального Университета и Донского Государственного Технического Университета, **предметом** – возникающие у них в процессе адаптации трудности и их субъективное восприятие.

На основе анализа литературы можно выделить следующие наиболее типичные проблемы и трудности в адаптации студентов-первокурсников.

1. Трудности из-за принципиально новых условий деятельности:

- Потеря привычной зоны комфорта (Чижкова, 2019), необходимость перестраивать структуру деятельности ввиду перегрузок и загруженности в психоэмоциональной, информационной и социально-бытовой сферах;
- Трудности, возникающие из-за необходимости менять устоявшиеся стереотипы поведения (Намазов и др., 2017; Tarasova et al, 2017) и картину мира; в целом потеря школьного коллектива и привычных моделей поведения (Борушко, 2019);
- Необходимость перестройки физиологической структуры деятельности, а именно питания, режима труда и отдыха, гигиены работы за компьютером; часто возникает дискомфорт от нерационального питания, чрезмерного использования электронных устройств и гиподинамии, что может привести к заметным ухудшениям физического и психологического состояния (Намазов и др., 2018);
- Встреча с принципиально новыми формами организации занятий и их высокой информационной насыщенностью (Карасёва, 2005); а также с предъявляемым к первокурсникам высоким требованиям учебного процесса.
- Трудности самоорганизации при обучении с меньшим, чем в школьных условиях, регулярным контролем посещаемости и знаний. Несформированность навыков обращения со временем и продуктивного планирования в ситуации как нехватки свободного времени, так и его избытка (Шолохова и Чикова, 2014).
- Неумение осуществлять психологическое саморегулирование поведения и деятельности, усугубляемое отсутствием повседневного контроля педагогов; неготовность к обучению без привычного контроля и опеки со стороны родителей, учителей;
- Нехватка материальных средств, привыкание к обособленной от родителей жизни, в некоторых случаях необходимость поиска работы (Шолохова и Чикова, 2014).

2. Трудности социального взаимодействия:

- Страхи, связанные с публичными выступлениями (Борушко, 2019), необходимостью задавать вопросы в лекториях, негативные переживания после выступления;
- Обогащение багажа исполняемых социальных ролей, отсутствие привычного круга общения и необходимость закрепления, проявления в социальном пространстве университета;
- Малая сформированность социального опыта и собственной ценностно-смысловой позиции, моральных ориентиров (Калининченко

и Назмутдинов, 2018), что приводит к ощущению неопределенности состояния и возможным межличностным конфликтам.

3. Трудности самоидентификации:

- Перестройка Я-концепции личности ввиду несоответствия реальным результатам и успешности обучения, а также опыта взаимодействия с одноклассниками и преподавателями представлениям об идеальном (Пшеничнова, 2018);
- Студентами также отмечается неуверенность в последующем после университета успешном трудоустройстве и в целом в размытых перспективах дальнейшей жизни (Намазов и др., 2018); актуализирующиеся трудности самоопределения (Намазов и др., 2017) и поиска себя;
- Снижение уровня мотивации к изучению «ненужных» дисциплин, являющихся общеобразовательными или повторяющими школьный курс; мотивационные трудности в целом, связанные с экстернальным локусом контроля, отсутствием восприятия конкретных целей обучения (Orlov et al., 2018);
- Отмечается также низкий уровень развития познавательной мотивации, связанный с целями поступления в университет. Например, нежелание учиться у студентов, поступивших ради диплома, сужает диапазон их общения и решаемых проблем, что приводит к пассивности и безынициативности (Пшеничнова, 2018); снижать уровень адаптированности будет и низкая мотивационная готовность к выбранной профессии (Борушко, 2019);
- Отмечается фактор ответственности за успехи в учебе перед собой, преподавателями и родителями, что может привести к тревожности студента (Намазов и др., 2018).

Особенно важны развитые навыки приспособления у студентов психолого-педагогических специальностей, ибо необходимость развития эмпатических способностей в частности и готовность входить в состояние чужих людей и содействовать в решении их проблем выступают факторами успешности адаптации к профессиональному обучению.

Отдельных исследований требует изучение трудностей адаптации в условиях возвращения студентов после дистанционного обучения на очное, поскольку студенты, длительное время вынужденные находиться в стрессовом напряжении, могут быть все еще подвержены негативным факторам. Нынешние студенты могут страдать от нехватки опыта социального взаимодействия, публичных выступлений, тревожного ожидания негативной оценки преподавателями полученных знаний, то есть в целом от упущенных во время обучения на дистанционном формате в школе навыков (Мионов и Белозерова, 2022). В зарубежных источниках особое внимание уделяется

адаптационным трудностям студентов в связи с дистанционным обучением, поэтому важно принимать во внимание **отношение** первокурсников к дистанционному формату лекций и семинаров, которые по-прежнему остаются частью учебного процесса. Так, Biver et al. (2021) выделяют четыре типа обучающихся в зависимости от преобладающих особенностей: 1) «перегруженные» (имеющие трудности с регуляцией, распределением внимания, сниженную мотивацию, отсутствие навыков тайм-менеджмента и организации, что ведет к переживанию напряжения и стресса); 2) «адаптирующиеся» (имеющие проблемой большие временные затраты на учебу, но сохраненные мотивацию и когнитивные способности); 3) «сопровождающие» (имеющие незначительные мотивационные и когнитивные трудности, но не затрачивающие много времени на учебу) и 4) «сдавшиеся» (подвергнувшиеся сильному негативному влиянию ситуации, отказавшиеся предпринимать усилия для продолжения учебы). Для «напряженных» и «сдавшихся» студентов общими были ощущения изолированности, напряжения, нехватка общения с коллективом и преподавателями, потеря желания обучаться по выбранной специальности и обучаться вообще, что подчеркивает важность содействия студентам в успешном прохождении профессиональной и социально-психологической адаптации, учитывая возросшую для студентов ценность последней (Nugmanova et al., 2022).

Институты кураторства и студенческого наставничества отмечаются перспективными и действенными средствами помощи студентам в повышении уровня их социально-психологической адаптации к условиям ВУЗа (Маховицкая, 2020; Калимуллина, 2011; Янушкевич, 2012). Отмечается, что грамотно организованное кураторство, помимо управления адаптационными процессами и решения студенческих проблем, выступает как транслятор опыта и передатчик знаний, а также как ресурс воспитательной работы (Маховицкая, 2020). Наставники же как студенты старшего курса выступают проводниками в культурную, общественную и учебную части студенческой активности.

Методы

Выборка

В исследовании было задействовано 109 студентов-первокурсников (101 девушка (93 %) и 8 юношей (7 %)) двух высших учебных заведений г. Ростова-на-Дону (ЮФУ (32 %) и ДГТУ (68 %)), ведущий профиль – психолого-педагогические специальности, средний возраст – 17,8 лет. Сбор информации по анкете проводился с 29.11.2022 по 02.12.2022 на платформе Google Forms. Данный период времени был обусловлен снижением уровня аффективной напряженности студентов, привыканием к учебной группе и деятельности и возможности ретроспективно оценить собственную адаптацию.

Авторская анкета адаптации

В ходе предваряющего исследованию опроса первокурсников были выделены трудности и страхи, препятствующие гармоничной адаптации. Данные пункты были обобщены методом контент-анализа и вынесены в анкету, состоящую из 12 суждений, по которым было необходимо выразить степень актуальности от 1 до 10, и двух развернутых вопросов («Какие из отмеченных выше проблем решены, а какие еще остались?» и «Помогли ли Вам в адаптации Ваши наставник и куратор?»).

Пункты анкеты были скомпонованы соответственно выделенным в опросе категориям трудностей:

1. Ощущение нестабильности и переживание неуверенности:

- Насколько трудной была для Вас адаптация к студенческой жизни?
- Расценивали ли Вы начало семестра как нестабильное и неопределенное время?
- Если да, тяжело ли было находиться в условиях неопределенности и нестабильности?
- Было ли страшно, что с началом учебы жизнь изменится слишком сильно?

2. Проблемы, связанные с межличностным общением:

- Было ли страшно "остаться за бортом" и не сойтись с одногруппниками?
- Было ли непонятно, как найти контакт с одногруппниками?
- Приходилось ли Вам притворяться другим человеком, чтобы влиться в коллектив?

3. Проблемы планирования и обращения со временем:

- Тяжело ли было планировать свое время?

4. Проблемы, связанные с самопроявлением:

- Сложно ли было проявляться в коллективе и вести себя так, как хотелось?
- Было ли страшно ошибаться?
- Было ли после ответов на семинаре стыдно за себя?
- Чувствовали ли вы себя хуже других, сравнивая себя с одногруппниками?

Таким образом, данная анкета затрагивает как социально-психологические аспекты адаптации первокурсников, так и апеллирует к психологическим аспектам студентов, оставляя пространство для свободного ответа об остающихся трудностях.

Результаты

Результаты исследования были получены анонимно, обработаны через создание базы данных в Excel. Анализ анкеты адаптированности проводился с помощью контент-анализа; а также подсчета медианы и построения графиков и диаграмм в программе Excel. Медианы для закрытых вопросов анкеты представлены в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Вопросы анкеты и медианы восприятия трудностей адаптации

Вопрос анкеты	Медиана	Количество студентов, отметивших 8, 9 или 10
Насколько трудной была для Вас адаптация к студенческой жизни?	4	18 (16,5%)
Расценивали ли Вы начало семестра как нестабильное и неопределенное время?	5	24 (22%)
Если да, тяжело ли было находиться в условиях неопределенности и нестабильности?	4	18 (16,5%)
Тяжело ли было планировать свое время?	4	22 (20%)
Было ли страшно "остаться за бортом" и не сойтись с одногруппниками?	5	36 (21%)
Было ли непонятно, как найти контакт с одногруппниками?	4	23 (21%)
Приходилось ли Вам притворяться другим человеком, чтобы влиться в коллектив?	1	7 (6%)
Сложно ли было проявляться в коллективе и вести себя так, как хотелось?	2	11 (10%)
Было ли страшно, что с началом учебы жизнь изменится слишком сильно?	3	14 (13%)
Было ли страшно ошибаться?	5	36 (33%)
Было ли после ответов на семинаре стыдно за себя? (испытывали ли вы негативные чувства?)	4	25 (23%)
Чувствовали ли вы себя хуже других, сравнивая себя с одногруппниками?	3	24 (22%)

В целом адаптация воспринималась первокурсниками как процесс, требующий определенных усилий. Для 16,5 % первокурсников адаптация характеризовалась особыми трудностями.

Половина всех опрошенных оценивали начало семестра как нестабильное и неопределенное время, причем 22 % особенно отмечали неопределенность данного времени. Половина всех первокурсников столкнулась с субъективной неопределенностью начала семестра и ощущением нестабильности, как минимум 16,5 % студентов имели существенные трудности нахождения в ней.

Впервые открывать для себя принципиально новую сферу деятельности вызвало ряд трудностей планирования и организации, на которые указала почти половина всех опрошенных. Существенные трудности планирования отмечены у 20 % студентов, то есть у пятой части всех опрошенных.

Проблема контакта с коллективом стояла особенно остро и вызывала субъективный страх у половины опрошенных, причем для трети испытуемых (33 %) данный страх был особенно актуален. Значимой части студентов также было трудно понять, как найти контакт с одногруппниками, на затруднения указывает 21 % студентов.

Небольшая часть первокурсников прибегала к формированию ложного впечатления о себе, в целом студенты не имеют тенденции притворяться кем-либо другим для вхождения в коллектив, однако 6 % студентов указывают на актуальность данного фактора.

Субъективно самопроявление в коллективе студентами оценивается как несложное, существенные трудности характерны для 10 % студентов, то есть для десятой части опрошенных.

Страх сильного изменения жизни в целом не выражен, на сильные переживания по данному фактору указывают 13 % опрошенных.

Половине студентов характерен страх ошибаться, причем треть всех студентов (33 %) имеет сильные переживания по этому поводу.

Фактор негативных эмоций после ответов на семинарских занятиях значим для рассмотрения, поскольку характерен почти для половины всех опрошенных и особенно для 23 % студентов.

Проблема сравнения себя и ощущения себя «хуже других» особо характерна для 22 % всех студентов.

Таким образом, наиболее значимыми трудностями в адаптации студентов, выделенными в данном исследовании, выступают: субъективное ощущение неопределенности и нестабильности начала семестра, страх не влиться в коллектив и не найти контакт с одногруппниками и страх ошибаться, которые характерны для половины всех опрошенных. Проблемы, в основном, связаны с социумом, коллективом и боязнью проявить себя в худшем свете. Значимыми

проблемами также являются трудности планирования и негативные чувства, стыд за себя после ответов на занятиях (рис. 1).

Рисунок 1. Медианы восприятия трудностей адаптации

На момент исследования 68 % студентов отметили преимущественное решение проблем, 32 % указывают на нерешенные трудности, которые все еще актуальны (рис. 2).

Какие из указанных трудностей решены, а какие еще остались?

- Все или почти все решены (68%)
- Остались нерешенные проблемы (32%)

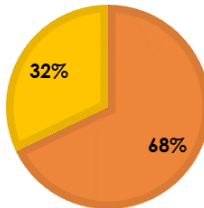

Рисунок 2. Диаграмма решенных и нерешенных проблем

Причем состав нерешенных проблем (рис. 3) в целом повторяет картину полученных медиан, однако на первый план, помимо ответа «никакие проблемы не решены», отмеченного 26 % студентов с актуальными трудностями, выходит проблема негативных переживаний при ответе на семинаре (21 %), характеризующаяся эпитетами «неловко», «стыдно».

Отмечаются оставшиеся страхи ошибиться, «опозориться», «сделать что-то не так» (15 % опрошенных с актуальными трудностями), а также проблемы сравнения себя – «ощущение себя недостаточно смышленным», «кажется, будто другие знают чуть больше» (15 %).

Части студентов характерно ощущение отчужденности, отмечается, что «не хватает сплоченности в группе» (13 % опрошенных с актуальными трудностями), и 10 % студентов по-прежнему испытывают сложности планирования и распределения времени.

- Сравнение с одноклассниками и ощущение себя "хуже других" (15%)
- Трудности планирования и распределения времени (10%)
- Страх ошибиться (15%)
- Негативные чувства при ответе на семинарах (21%)
- Отчужденность от коллектива (13%)
- Никакие проблемы не решены (26%)

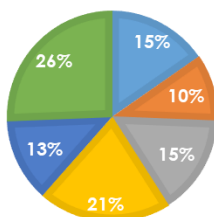

Рисунок 3. Состав нерешенных проблем студентов

Однако более половины студентов (63 %) отметили, что в адаптации помогли куратор учебной группы и наставник из числа студентов (рис. 4), что открывает возможности для дальнейшего исследования перспективности данных институтов.

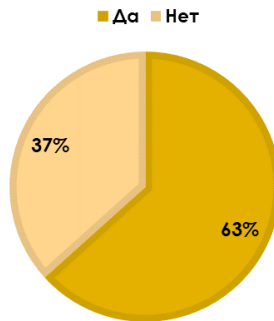

Рисунок 4. Ответы на вопрос «помогли ли Вас в адаптации Ваши наставник и куратор?»

Таким образом, значительная часть трудностей, связанная как с самовосприятием в изменившихся, принципиально новых условиях, так и с характерными онтологии студенческого возраста страхами отчуждения от социума, ошибок и негативного самопроявления.

Обсуждение результатов

Характерные для студентов проблемы отмечают Шолохова и Чикова (2014). Ими отмечено, что с проблемами в учебной деятельности встречаются 60% первокурсников; со взаимодействием с преподавателями – 26,6%, материальными трудностями – 20%. У трети студентов диагностируется состояние большого психоэмоционального напряжения, у половины – трудности самоорганизации и планирования в учебной и внеучебной деятельности, неумение работать и контролировать себя самостоятельно. Проблемы студентов ранжированы авторами по степени встречаемости: нехватка времени, перегруженность учебной, слабая довузовская подготовка, трудности самоорганизации, недостаточность материальных средств, потеря привычной обстановки и круга общения и необходимость включения в новый коллектив (Шолохова и Чикова, 2014). В нашем исследовании идентичные проблемы страха ошибиться и «остаться за бортом» коллектива также выходят на первый план. Зеленцова указывает на трудности, связанные с неопределенным, изменяющимся и неудобным расписанием, характерные для половины опрошенных студентов (Зеленцова, 2016, с. 40).

Monastyrskaya с соавт., (2019) указывают на преобладание проблем, напрямую связанных с процессом обучения, слабой довузовской подготовкой,

а также проблем недостаточной самостоятельности и самоорганизации в условиях отличающегося от школьного учебного процесса. Чижкова аналогично указывает на наиболее тревожащие первокурсников ситуации: «возможность неудачи в сессии (88,4 %), неудачи в учебе (86,7 %), страх перед предстоящими зачетами и экзаменами (85,7 %)» (Чижкова, 2019, с. 1044). Забиров отмечает проблемы распределения времени, высоких требований преподавателей, необходимости самостоятельного усвоения больших объемов информации, которую необходимо усвоить без постоянного контроля, неумение распределять свое время и силы, что в итоге приводит к снижению мотивации к учебе (Забиров и др., 2014).

И, конечно, авторами указывается на трудности вхождения в новый социум и исполнения непривычных социальных ролей в условиях отсутствия привычного круга общения и моделей поведения, формирующейся ценностно-смысловой позиции (Калиниченко и Назмутдинов, 2018). Часть проблем связана с мотивационными трудностями самопроявления, особенно при публичных выступлениях, (Борушко, 2019), часть – с коммуникативными сложностями процесса общения (Orlov et al., 2018), что в целом согласуется с результатами данного исследования.

Литература

- Батуева, С.В., Ледовских, А. С., & Ледовских, А. С. (2019). Эмпирическое исследование адаптации студентов к обучению в вузе. *Кронос: Психология и Педагогика*, 1 (18), 38–44.
- Борушко, М. В. (2019). Проблемы адаптации первокурсников к учебной деятельности в вузе. *Современное высшее профессиональное образование: тенденции и перспективы подготовки конкурентоспособного специалиста: сборник научных статей Межвузовской научно-практической конференции*, Брест, 17–18 мая 2019 г. (С. 6–8).
- Забиров, А. И., Кузьмишкина, Н. А., Кузьмишкин, А. А., Гарькин, И. Н. (2014). Адаптации студентов первого курса в вузе. *Молодой ученый*, 3(62), 933–935.
- Калимуллина, О. А. (2011). Кураторство как фактор успешной адаптации студентов. *Вестник Казанского Государственного Университета Культуры и Искусств*, 3.
- Калиниченко, О. В., Назмутдинов, Р. А. (2018). Онтологическая Уникальность Студенческого Возраста. *Психологическое и педагогическое сопровождение студентов вуза в современном социокультурном пространстве*, 110–115.
- Карасёва, С. Н. (2005). Проблема адаптации первокурсников вузов к учебному процессу. *Современные проблемы науки и образования*, 2.
- Маховицкая, Т. П. (2020). Значение кураторской деятельности для процесса

- адаптации студентов-первокурсников к обучению в Вузе. Гуманитарный Вестник (Горловка), 10.
- Миронов, И. П., Белозерова, Т. А. (2022). Адаптация студентов вуза к учебному процессу в посткарантинный период обучения. Известия Уральского Федерального Университета. Серия 1. Проблемы Образования, Науки и Культуры, 28(2), 200–212. <https://doi.org/10.15826/izv1.2022.28.2.039>
- Намазов, А. К., Евсеев, В. В., Кушелев, С. А. (2018). Актуальные Проблемы Адаптации Первокурсников К Условиям Обучения В Вузе. Стратегические направления реформирования вузовской системы физической культуры, 290–292.
- Намазов, А. К., Корягина, Я. К., Кушелев, С. А., Евсеев, В. В., Шарнин, Н. П. (2017). Проблема адаптации студентов-первокурсников в вузе. Здоровье – Основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения, 12(1).
- Пшеничникова, И. В. (2018). Системогенетический подход в исследовании проблемы адаптации первокурсников к обучению в вузе. Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Материалы VIII всероссийской научно-практической конференции, 75–77.
- Седанкина, Т. Е. (2022). Вопросы адаптации студентов направления подготовки 'теология' к условиям обучения в вузе и их социализации в научно-исследовательском пространстве. Вестник Московского Государственного Областного Университета. Серия: Философские Науки, 1, 32–44.
- Чижкова, М. Б. (2019). Динамика адаптации студентов-первокурсников к образовательной среде медицинского вуза: К постановке проблемы. Вестник Кемеровского Государственного Университета, 4 (80) 1039–1049.
- Шолохова, Г. П., Чикова, И. В. (2014). Адаптация первокурсников к условиям обучения в вузе и ее психолого-педагогические особенности. Вестник Оренбургского Государственного Университета, 3 (164), 103–108.
- Янушкевич, А. А. (2012). Роль куратора в адаптации студентов первого курса к условиям обучения в вузе. Высшее Техническое Образование, 8 (155), 69–70.
- Monastyrskaya, T. I., Medvedeva, N. P., Katsura, A. V. (2019). Retrospective Assessment and Proposals for the Adaptation of the First Year Students. 477–482. <https://doi.org/10.2991/hssnpp-19.2019.90>
- Nugmanova, D., Kozlova, I., Kupriyanov, R. (2022). The peculiarities of Adaptation of First-Year Students to the University during COVID-19 Pandemic in Russia. Revista de Psicología Clínica Con Niños y Adolescentes, 9(2), 32–38. <https://doi.org/10.21134/rpcna.2022.09.2.4>
- Orlov, A. A., Pazukhina, S. V., Yakushin, A. V., Ponomareva, T. M. (2018). A study of first-year students' adaptation difficulties as the basis to promote their personal development in university education. Psychology of Russia: State of Art, 11(1), 71–84. <https://doi.org/10.11621/pir.2018.0106>

Tarasova, S. I., Dukhina, T. N., Limonova, O. O., Kolesnikova, T. V., Makhova, I. N. (2017). Socio-Psychological Adaptation of First-Year University Students. *Revista ESPACIOS*, 38(56).

References

- Batueva, S. V., Ledovskikh, A. S., & Ledovskikh, A. S., (2019). An empirical study of students' adaptation to university studies. *Kronos: Psychology and Pedagogy*, 1 (18), 38–44. (In Russ.).
- Borushko, M. V. (2019). Problems of adaptation of first-year students to educational activities at the university. *Modern higher professional education: trends and prospects of training a competitive specialist: collection of scientific articles of the Interuniversity Scientific and Practical Conference, Brest, May 17-18, 2019*, 6–8. (In Russ.).
- Chizhkova, M. B. (2019). Adaptation dynamics of the first-year students to the educational environment of the medical university. *Bulletin of Kemerovo State University*, 4 (80) 1039–1049. (In Russ.).
- Kalimullina, O. A. (2011). Curatorship as a factor of successful adaptation of students. *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*, 3. (In Russ.).
- Kalinichenko, O. V., Nazmutdinov, R. A. (2018). The ontological Uniqueness of the student's age. *Psychological and pedagogical support of university students in the modern socio-cultural space*, 110–115. (In Russ.).
- Karaseva, S. N. (2005). The problem of adaptation of first-year students of universities to the educational process. *Modern problems of science and education*, 2. (In Russ.).
- Makhovitskaya, T. P. (2020). The Importance Of Curatorial Activity For The Process Of Adaptation Of First-Year Students To Study At A University. *Humanitarian Bulletin (Gorlovka)*, 10. (In Russ.).
- Mironov, I. P., Belozerova, T. A. (2022). Adaptation of university students to the educational process in the post-warranty period of study. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 1. Problems of Education, Science and Culture*, 28(2), 200–212. <https://doi.org/10.15826/izv1.2022.28.2.039> (In Russ.).
- Monastyrskaya, T. I., Medvedeva, N. P., Katsura, A. V. (2019). Retrospective Assessment and Proposals for the Adaptation of the First Year Students. 477–482. <https://doi.org/10.2991/hssnpp-19.2019.90>
- Namazov, A. K., Evseev, V. V., & Koshelev, S. A. (2018). Actual Problems Of Adaptation Of First-Year Students To The Conditions Of Study At The University. *Strategic directions of reforming the university system of physical culture*, 290–292. (In Russ.).
- Namazov, A. K., Koryagina, Ya. K., Kushelev, S. A., Evseev, V. V., Sharnin, N. P. (2017). The problem of adaptation of first-year students at the university. *Health Is The*

- Basis Of Human Potential: Problems And Ways To Solve Them, 12(1). (In Russ.).
- Nugmanova, D., Kozlova, I., Kupriyanov, R. (2022). The peculiarities of Adaptation of First-Year Students to the University during COVID-19 Pandemic in Russia. *Revista de Psicología Clínica Con Niños y Adolescentes*, 9(2), 32–38. <https://doi.org/10.21134/rpcna.2022.09.2.4>
- Orlov, A. A., Pazukhina, S. V., Yakushin, A. V., Ponomareva, T. M. (2018). A study of first-year students' adaptation difficulties as the basis to promote their personal development in university education. *Psychology of Russia: State of Art*, 11(1), 71–84. <https://doi.org/10.11621/pir.2018.0106>
- Pshenichnova, I. V. (2018). Systemogenetic approach in the study of the problem of adaptation of first-year students to study at a university. Systemogenesis of educational and professional activity. Materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference, 75–77. (In Russ.).
- Sedankina, T. E. (2022). Issues of Adaptation of Students of the Direction of Preparation "Theology" to the Conditions of Learning at the University and Their Socialization in the Research Space. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 1, 32–44. (In Russ.).
- Sholokhova, G. P., Chikova, I. V. (2014). Adaptation Of First-Year Students To The Conditions Of Study At The University And Its Psychological And Pedagogical Features. *Bulletin of Orenburg State University*, 3 (164), 103–108. (In Russ.).
- Tarasova, S. I., Dukhina, T. N., Limonova, O. O., Kolesnikova, T. V., Makhova, I. N. (2017). Socio-Psychological Adaptation of First-Year University Students. *Revista ESPACIOS*, 38(56).
- Yanushkevich, A. A. (2012). The role of the curator in the adaptation of first-year students to the conditions of study at the university. *Higher Technical Education*, 8 (155), 69–70. (In Russ.).
- Zabirov, A. I., Kuzmishkina, N. A., Kuzmishkin, A. A., & Garkin, I. N. (2014). Adaptation of first-year students at the university. *Young Scientist*, 3(62), 933-935. (In Russ.).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.96

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2022.4.4>

Психологические особенности женщин с бесплодием неясной этиологии

Яна Ю. Восканян

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: Yana-nik@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-8463-7132>

Ольга С. Васильева

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: vos@sfedu.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0600-1066>

Аннотация

Введение. С каждым годом число пар с бесплодием неуклонно растёт. Увеличение масштабов данной проблемы, повышает исследовательский интерес к психологическим особенностям женщин с бесплодием неясной этиологии. В статье бесплодие неясной этиологии рассматривается как в теоретическом, так и эмпирическом аспекте. Имеющиеся научные данные разрознены и противоречивы. Отсутствует комплексный подход в изучении механизмов формирования психологического бесплодия. Новизна исследования состоит в расширении представлений о жизни и психологических особенностях женщин, имеющих сложности неясного характера в наступлении беременности. В исследовании сравниваются женщины, имеющие проблемы в наступлении беременности, и фертильные женщины у которых уже есть дети. **Методы.** В исследовании использованы методы описательной и сравнительной статистики, авторский опросник, методики измерения социальной фрустрированности, удовлетворённости браком, нервно-психического напряжения, астении, депрессии. Исследовательская выборка представлена в количестве 60 человек в возрасте от 20–49 лет. В основную группу вошли женщины с неясным бесплодием. Контрольная группа представлена фертильными женщинами. **Результаты.** В исследовании не обнаружены выраженные значимые различия особенностей между группами женщин. Однако, выявлена тенденция значимых различий по уровню удовлетворённости браком. **Обсуждение результатов.** Результаты исследования свидетельствуют о выраженной степени удовлетворённости браком и слабым уровне

нервно-психического напряжения у женщин с бесплодием неясной этиологии. У них не диагностированы признаки социальной фрустрированности, депрессии и астении. Однако, в их бессознательном поле визуализируется внутриличностный конфликт. Желание иметь ребенка вступает в борьбу с желанием сохранить привычный образ жизни. Таким образом, наше исследование расширяет представление о возможных психологических причинах бесплодия.

Ключевые слова: бесплодие неясной этиологии, репродуктивные функции, социальная фрустрированность, удовлетворенность браком, нервно-психическое напряжение, астения, депрессия

Для цитирования

Восканян Я.Ю., Васильева О.С. (2022). Психологические особенности женщин с бесплодием неясной этиологии. Северо-Кавказский психологический вестник, 20(4), 44–60. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2022.4.4>

Research article

UDC 159.96

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2022.4.4>

Psychological characteristics of women with infertility of unclear etiology

Yana Y. Voskanyan

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: Yana-nik@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-8463-7132>

Olga S. Vasilyeva

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: vos@sfedu.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0600-1066>

Abstract

Introduction. Every year the number of couples facing the infertility problem is steadily growing. This growth is increasing the researches interest in the psychological characteristics of women facing the infertility of unclear etiology. In the article infertility of unclear etiology is considered both in theoretical and empirical aspects.

The available scientific data are scattered and contradictory. There is no integrated approach to the study of the mechanisms of formation of psychological infertility. The research novelty consists of expanding the ideas about the life and psychological characteristics of women who have difficulties of an unclear etiology in the onset of pregnancy. The study compares women who have problems with pregnancy and fertile women who already have children. **Methods.** The methods of descriptive and comparative statistics, the author's questionnaire, methods of measuring social frustration, marital satisfaction, neuropsychiatric stress, asthenia, depression were used in the study. The research sample consists of 60 people aged 20–49 years. The main group included women with unclear infertility. The control group is represented by fertile women. **Results.** No significant differences between women's characteristics in groups were found in the study. However, a trend of significant differences in the level of satisfaction with marriage was revealed. **Discussion of the results.** The results of the study indicate that a woman facing the infertility of unclear etiology has a pronounced degree of satisfaction with marriage and low level of neuropsychiatric tension. Signs of social frustration, depression and asthenia were not diagnosed at them. However, an intrapersonal conflict is visualized in their unconscious field. The desire to have a child comes into conflict with the desire to maintain the usual lifestyle. Thus, our study expands the ideas of the possible psychological causes of infertility.

Keywords: infertility of unclear etiology, reproductive functions, social frustration, satisfaction with marriage, nervous and mental stress, asthenia, depression

---

For citation

Voskanyan Y.Y., Vasilyeva O.S. (2022). Psychological characteristics of women with infertility of unclear etiology. Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik (North-Caucasian Psychological Bulletin), 20(4), 44–60. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2022.4.4>

Введение

В клинической практике бесплодие определяют как неспособность зачать ребенка в течение 12 месяцев регулярной половой жизни без контрацепции (Карр и др., 2015). На сегодняшний день бесплодие является проблемой мирового масштаба, оказывающей негативное воздействие не только на демографические и социально-экономические показатели стран, но и способствующей развитию психоэмоциональных расстройств, как у женщин, так и мужчин. Количество пар, не способных зачать ребенка, с каждым годом растет. Согласно исследованию американских ученых, основанному на анализе 277 исследований в области демографии и репродуктивного здоровья, в 190 странах мира, за период с 1990 по 2010, число пар с бесплодием увеличилось

с 42 до 48,5 миллионов (Mascarenhas et al. 2012). По состоянию на 2020 год, число бесплодных пар по всему миру колеблется от 48 миллионов пар (15 % браков) до 186 миллионов человек (Mascarenhas et al., 2012; Boivin et al., 2007; Rutstein et al., 2004). В России по состоянию на 2016 год распространенность бесплодия составила 278,8 случая на 100 тыс. женщин от 18 до 49 лет. В процентном выражении частота бесплодия на территории РФ колеблется преимущественно от 8–17 % (Серов и др., 2015), а в некоторых регионах достигает 20 % (Оранская, 2018). В европейских странах уровень бесплодия достигает 14 % (Кулаков и др., 2005).

Бесплодие неясной этиологии занимает особое место в классификации различных форм бесплодия. Данный диагноз ставится в случаях, когда женщина прошла полное функциональное гинекологическое обследование и причины не наступления беременности не установлены. Частота наступления необъяснимого бесплодия остается неизвестной, поскольку исследований популяции не проводилось. Обзор клинических исследований показал, что приблизительная частота случаев колеблется от 6 % до 60 %. Такие показатели могут быть объяснены внутренними различиями в популяции, схемами направления, процедурами исследования, определениями нормальности (Templeton & Penney, 1982).

На сегодняшний день бесплодие неясной этиологии и его связь с психологическими расстройствами по-прежнему являются предметом исследования как зарубежных (Fischer, Goldschmidt, Menning, Nachtigall, Becker, Sarma, Deka, Domar), так и отечественных ученых (Филипова Г. Г., Усачёва О. С., Блюм А. И., Деметьева Н. О., Бочаров В. В., Макаричева Э., Менделевич В. Е., Тюрина Е. П., Сайфетдинова Е. Ф., Зыбайлова В. С., Филимоненкова В. Ю., Копытов А. В., Малкина-Пых И. Г., Масыгутова Л. Ф.). Неуклонно растущая статистика повышает исследовательский интерес к бесплодию, особенно, в части изучения психологического портрета женщин с данным недугом.

Основатели психологии бесплодия Berg и Wilson впервые в 1930-х годах, ввели психогенную модель бесплодия для учета случаев не наступления беременности, биомедицинские причины которых не могут быть идентифицированы (Berg & Wilson, 1991). Согласно этой модели, психопатология является этиологическим фактором бесплодия. В то время диагноз «необъяснимое бесплодие» ставился более чем в 30 % случаев (Templeton & Penny, 1982). В своих работах Menning описывает необъяснимое бесплодие как «психический конфликт, плавающий под гинекологическим флагом» (Rubenstein, 1951). Исследование психосоциальных последствий бесплодия в 1970-х послужило стимулом в развитии психологической поддержки парам с бесплодием (Boivin et al, 2015).

Предполагается, что проблема бесплодия и расстройств психики связаны между собой циркулярными закономерностями (Deka & Sarma, 2010).

Длительное бесплодие, как правило, приводит к психоэмоциональным расстройствам личности, а тревожные и депрессивные расстройства снижают вероятность зачатия. Когда женщина длительное время не может забеременеть, и причины неясны, она попадает в особое психологическое состояние, порождающее кризисные переживания. Почему же бесплодие оказывает столь сильное воздействие на психику женщин? В современном мире женщина склонна планировать рождение ребенка в определённый момент своей жизни (Stanhiser, 2018). Родительство является главным переходным моментом во взрослую жизнь как для мужчин, так и для женщин. Нереализованное желание зачать ребенка, стать мамой, оказывает сильное воздействие на качество жизни женщин, что также может сказываться на взаимоотношениях супругов (Poddar at al., 2014). Стресс из-за несостоятельности иметь ребенка по силе сравним с сильными переживаниями, чувством злости, переживанием депрессии, тревожности, чувством никчемности (Nachtigall at al. 1992). Диагноз «бесплодие» может привести к очень разрушительным психоэмоциональным последствиям. Более чем у 40 % женщин, которые не могут забеременеть и родить ребенка, наблюдаются признаки депрессии по силе сравнимой с пациентами, у которых сердечное заболевание или рак (Deka & Sarma, 2010). Психиатрические отклонения выявлены у 44 % бесплодных женщин, что на 15,3 % выше, чем у здоровых женщин (Noorbala at al. 2007). В ряде случаев, у пар с бесплодием установлена психологическая патология, которая и является основной причиной препятствующей наступлению беременности. У женщин, которые не могут зачать ребенка, также отмечаются психосексуальные расстройства (Стеняева и др., 2018).

Если говорить об индивидуально-личностных особенностях женщин с бесплодием неясной этиологии, Fischer и Goldschmidt характеризуют их в соответствии с двумя стилями поведения, не совместимыми с материнством. С одной стороны, это слабые, психически незрелые, инфантильные женщины. Зависимость их положения выступает наиболее ярким признаком в их характеристике. С другой стороны – амбициозные, агрессивные карьеристки, позиционирующие себя в мужской роли с выраженным стремлением к доминированию (Малкина-Пых, 2004).

По мнению Усачёвой О. С. и Блюм А. И., эмоциональная сфера у женщин с неустановленной формой бесплодия носит негативный характер с глубинными переживаниями и тенденцией к депрессии. Их поведение характеризуется однонаправленностью (Усачёва, Блюм, 2017). Отличительной особенностью их личностного профиля выступает бессознательное чувство вины и агрессия, подозрительность и враждебность по отношению к окружающим (Зотова, 2014; WHO, 2000). Н. О. Дементьева и В. В. Бочаров отмечают у пациенток с бесплодием неясной этиологии обесценивание социальных

контактов, потерю профессиональных интересов и навыков (Дементьева, Бочаров, 2010). Г. Г. Филиппова, рассматривая личностные профили женщин с неясным бесплодием, выделяет следующие особенности: инфантильность, эмоциональная неустойчивость, повышенная тревожность, склонность к подавлению агрессии, сложные отношения с окружением, деструктивные отношения с родной матерью (Филиппова, 1997). Неоднократно в своих публикациях она отмечает признаки фрустрации у женщин с бесплодием неясной этиологии (Филиппова, 2011).

На сегодняшний день ряд исследователей все же ссылаются на отсутствие научных данных, подтверждающих особые поведенческие характеристики пар с бесплодием (Volgsten et al., 2008). К примеру, в исследовании 500 пар с бесплодием (Templeton & Penney, 1982) после стандартного протокола обследования у 79 % из них были диагностированы причины, у 21 % – причины не установлены. Значимые различия поведенческих характеристик в исследуемых группах не обнаружены.

Таким образом, мы видим, что в научном сообществе разделились мнения о наличии и отсутствии особенностей в личностных профилях, поведенческих характеристик женщин с неясным репродуктивным статусом. Достаточно сложно принять факт отсутствия собственных детей. Иногда пара с необъяснимым бесплодием становится фертильной после усыновления, или после того, как окончательно смирились с фактом бесплодия (Rubenstein, 1951). Но мало кто готов смириться с таким положением дел, тем более, когда причины неясны, и остается хоть какая-то надежда. И тогда пары от месяца к месяцу живут ожиданием. У некоторых женщин это состояние длится годами. Пребывание в состоянии напряжения, повышенной тревожности, бессознательного сопротивления текущим обстоятельствам на протяжении многих лет приводит к стрессу, и как следствие – к психическому и физическому истощению (Тювина и др., 2019; Тювина и др., 2018). На уровне психофизиологии это выглядит следующим образом. Стресс стимулирует выработку глюкокортикоидного гормона кортизола, оказывающего пагубное влияние на репродуктивные функции женщин. Таким образом, под влиянием стресса происходят изменения в нейрогормональной системе регуляции репродуктивной функции, что может проявляться в нарушениях овуляции, проблемах с имплантацией эмбриона и вынашиванием беременности. Повышенный уровень кортизола также приводит к снижению уровня дофамина и сверхчувствительности миндалевидного тела, вследствие чего можно наблюдать у женщин перепады настроения и депрессии, которая также может оказывать влияние на вероятность наступления беременности (Першина, 2019).

Анализ состояния научных исследований женского бесплодия показал, что данная тема мало изучена как в зарубежной, так и в отечественной

науке. Данная тема социально значима как для женщины, так и для общества в целом. Благодаря материнству женщина обретает зрелость, социальную идентичность, осознает гендерную роль, укрепляет брак. Неспособность к реализации себя в роли матери приводит к стрессу, напряжению, нарушению психического и физического здоровья. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что при изучении бесплодия необходимо использовать комплексный междисциплинарный подход, поскольку данная проблема находится на стыке таких наук как психология, психофизиология, гинекология и требует более пристального внимания в части расширения области исследования и механизмов формирования данного недуга.

Цель исследования заключается в изучении психологических особенностей женщин с бесплодием неясной этиологии.

Новизна исследования заключается в попытке расширить научные представления в части изучения психологических особенностей женщин с бесплодием неясной этиологии, и возможных причин бесплодия.

Практическая значимость работы. Результаты исследования позволят выявить психологические особенности и жизненные установки женщин, а также возможные психологические причины бесплодия. Полученные данные будут способствовать разработке комплексного подхода, в работе с данной категорией женщин, по оказанию психологической поддержки, с целью улучшения показателей их психического и физического здоровья.

Методы

Процедура. Исследование проходило в течение двух лет с сентября 2020 г. по октябрь 2022 г. Опрос респондентов осуществлялся в формате интервью, а также через Google forms.

Выборка. Общий объем исследовательской выборки составил 60 человек. Основная группа представлена женщинами с неясным бесплодием в возрасте от 26 до 40 лет. В число испытуемых вошли 14 женщин с диагнозом бесплодие неясного генеза, что составляет 21 % от общего количества участниц исследования. Согласно данным опроса, у респондентов нет нарушений по критериям бесплодия. Ни одна из респондентов не имела ни одной беременности. Период отсутствия беременности от 1,5 до 16 лет (средний период 7,5). Все респонденты основной группы имели постоянных половых партнеров в лице супругов. Контрольная группа представлена 46 женщинами в возрасте от 26 до 49 лет. Женщины контрольной группы составили 79 % от общей исследовательской выборки. Все испытуемые имеют детей и не имели сложностей в наступлении беременности.

Методики. В ходе исследования были изучены следующие показатели: 1) комплексное представление о жизни женщин («Авторский опросник

жизненной истории», состоящий из 90 вопросов); 2) социальная фрустрированность (методика оценки «Уровня социальной фрустрированности» разработанной в 2004 г. НИПНИ им. Бехтерева Л. И. Вассерманом, Б. В. Иовлевым и М. А. Беребиным); 3) удовлетворенность браком (тест-опросник удовлетворенности браком (ОУБ), разработанный В. В. Столиным, Т. Л. Романовой, Г. П. Бутенко); 4) нервно-психическое напряжение (опросник оценки нервно-психического напряжения, разработанный Т. А. Немчиным); 5) астеническое состояние (Опросник шкала астенического состояния (ШАС), разработанная Л. Д. Малковой и адаптированная Т. Г. Чертовой на основе ММПИ); 6) депрессия (опросник шкала депрессии В. Зунга, адаптированная Т. Н. Балашовой).

Статистическая обработка данных проведена в программе SPSS Statistica. Количественная обработка данных осуществлялась с использованием методов сравнительной и описательной статистики. Для проверки статистически значимых различий использовался непараметрический «U-критерий Манна-Уитни».

Результаты

Результаты опроса показали, что женщины основной группы образованны (с высшим образованием – 93 %, среднее специальное – у 7 %). Трудоустроены – 93 %, учатся – 7 %.

Женщины контрольной группы имеют высшее образование – 100 % группы. Трудоустроены – 59 %, учатся – 6 %, не работают – 35 %.

Вероисповедание в основной группе: христианство – 86 %, мусульманство – 7 %, атеизм – 7 %. Вероисповедание в контрольной группе: христианство – 85 %, не определились, но верят в творца – 4 %, атеизм – 11 %.

Испытуемые основной группы следуют активному образу жизни – 71 % (спорт, фитнес, танцы, плавание), у 21 % нет времени на занятия. Около 52 % респондентов контрольной группы не занимаются никаким видом спорта, ведут пассивный образ жизни, ссылаясь на занятость.

У 86 % участниц основной группы форма брака – зарегистрированная, у 14 % – не зарегистрированная. Все испытуемые активно планируют беременность. Период отсутствия беременности от 1,5 до 16 лет (средний период 7,5). Причины, препятствующие наступлению беременности, не установлены. В контрольной группе у 80 % форма брака – зарегистрированная, у 20 % – не зарегистрированная. Есть дети. Особых проблем с наступлением беременности не было.

Для женщин основной группы характерны следующие ассоциирующиеся с детьми установки: «Беременность – это тяжело; ребенок – это тяжело; в наши дни забеременеть очень трудно; на ребенка нужно много денег; я не смогу ничем заниматься, поскольку придется находиться дома с ребенком; в наши дни забеременеть трудно; женщина без детей – не женщина; предназначение

женщины – семья и дети». У 57 % женщин с неясным бесплодием выявлен страх того, что их жизнь изменится с появлением ребенка не в лучшую сторону. Хотя, 80 % группы указали, что не испытывают чувство страха при появлении ребенка в семье.

Для 97 % женщин основной группы основным мотивом рождения ребенка является: «Продолжения себя, продолжение любви к своему партнеру, желание творить и воспитывать нового человека, зрелую и самостоятельную личность, уважая ее потребности и желания». Остальная часть группы – 7 %, на вопрос: «Что Вас мотивирует при планировании беременности?», ответили: «Потому что все рожают». В контрольной группе 78 % женщин ответили: «Ребенок – это тяжело; на ребенка нужно много денег; у меня нет времени на себя; на мужчин нельзя положиться».

На вопрос «Как часто Вы занимаетесь тем, что Вам не по душе, а сложившиеся обстоятельства вынуждают Вас выполнить свой долг?» 71 % женщин с бесплодием неясной этиологии ответили – часто, 29 % – редко. В контрольной группе на вопрос «Как часто Вы занимаетесь тем, что Вам не по душе, а сложившиеся обстоятельства вынуждают Вас выполнить свой долг?» 50 % женщин основной группы ответили – часто, 43 % – редко и 7 % – никогда.

Респонденты основной группы переживают стресс на ежедневной основе – 8 %; несколько раз в неделю – 46 %; один раз в неделю – 23 %; очень редко – 23 %. В контрольной группе испытывают состояние стресса: ежедневно – 9 %, несколько раз неделю – 45 %, один раз в неделю – 13 %, один раз в месяц – 16 %, очень редко – 17 %.

В основной группе женщин выявлено 100 % принятие себя со своими духовными и телесными особенностями. При этом 79 % респондентов ответили, что могут, открыто говорить о своих чувствах и переживаниях с супругом, 21 % ответили: «Не всегда». 86 % женщин могут себе позволить быть собой в отношениях с партнером, 14 % – не всегда. О полном принятии своих супругов, без попыток что-либо в них менять заявили 74 % участниц группы, 36 % ответили: «Не всегда». Мужья не пытаются воздействовать на род занятий и круг общения своих жен. Взаимоотношения в парах характеризуется полным взаимоуважением. В контрольной группе мы видим отличную картину. Около 87 % женщин принимают себя со своими духовными и телесными особенностями, 13 % ответили, что не принимают. Открыто поговорить о своих чувствах и переживаниях со своим супругом способны 63 %, 37 % ответили: «Не всегда». 61 % женщин контрольной группы могут себе позволить «быть собой в отношениях с супругом», 9 % ответили: «Нет», 30 % ответили: «Не всегда». О полном принятии своих супругов, без попыток что-либо в них менять, сообщили 41 % женщин, 39 % ответили: «Не всегда», 20 % сообщили о полном непринятии недостатков супругов.

В группе женщин с неясным бесплодием все пары проживают отдельно от родителей. Отношения с мамой характеризуются как: прекрасные – 50 %, хорошие – 43 %, терпимые – 7 %; отношения с отцом: прекрасные – 24 %, хорошие – 47 %, нет отношений совсем – 29 %.

В контрольной группе женщин отношения с мамой характеризуются как: хорошие – 56 %, прекрасные – 22 %, терпимые также у 22 % группы. Отношения с отцом преимущественно хорошие у 43 % женщин, прекрасные у 11 %, нет отношений совсем у 22 %, терпимые у 4 % группы.

Необходимо отметить, что 64 % участников группы с неясным бесплодием ранее обращались за поддержкой к психологу, 36 % – не обращались. В контрольной группе 50 % группы обращались к психологу, 50 % не обращались.

При оценке центральной тенденции уровня социальной фрустрированности в основной группе показатель составил: 2.05, в контрольной группе: 2.13. Полученные результаты свидетельствуют о том, что фрустрированность в исследуемых группах отчётливо не декларируется. Статистически значимые различия в уровне социальной фрустрированности не обнаружены (при $p \leq 0.05$, где Укр. = 227, Уэмп = 287).

Степень удовлетворенности браком в основной группе составил: 37.78, что свидетельствует о «значительной удовлетворенности» браком; в контрольной группе: 31.93, что в пределах диапазона «скорее удовлетворенность, чем неудовлетворенность». Выявлена тенденция значимых различий по степени удовлетворенности браком в сторону снижения исследуемого признака ($p \leq 0.05$, где Укр. = 227, Уэмп. = 217,5).

При оценке нервно-психического напряжения в основной группе показатель составил: 42,43, в контрольной группе: 43,82. Полученные результаты свидетельствуют о слабом нервно-психическом напряжении в обеих группах. Статистически значимые различия не обнаружены (при $p \leq 0.05$, где Укр. = 227, Уэмп. = 321).

Степень выраженности астенического состояния в основной группе составил: 48,14. В контрольной группе: 46,17. Оба показателя находятся в диапазоне, подтверждающем отсутствие признаков астении. Статистически значимые различия не установлены (при $p \leq 0.05$, где Укр. = 227, Уэмп. = 285,5). Сравнительный анализ уровня депрессии в основной и контрольной группе показал, что у женщин, имеющих детей, показатель незначительно выше, чем у группы женщин с условным бесплодием, 44,28 и 42,92 соответственно. Оба показателя приближены к крайней границе диапазона «легкой депрессии ситуативного генеза». Статистически значимые различий в уровне депрессии не обнаружены (при $p \leq 0.05$, где У кр. = 227, Уэмп. = 283).

Обсуждение результатов

Анализируя результаты исследования, мы видим, что женщины с неясным бесплодием практически все задействованы в сфере труда по сравнению с группой фертильных женщин. Доверие и вера в высшие силы преобладают над самонадеянностью, как в основной, так и контрольной группе. Женщины с неясным бесплодием склонны заниматься совершенствованием своей физической формы и здоровья. Они более активны, по сравнению с фертильными женщинами. Процентное соотношение зарегистрированных браков в основной группе незначительно выше.

В обеих группах визуализируются признаки внутриличностного конфликта. Представители основной группы на 21 % чаще представителей контрольной группы становятся заложниками сложившихся обстоятельств и вынуждены делать, то, что совсем не хотелось бы. Интенсивность, продолжительность и повторяемость таких реакций, а также обстоятельства окружающей среды, могут стать предпосылкой к невротическим расстройствам личности. Как показал анализ научной литературы, по одной из версий неврозы могут препятствовать наступлению беременности. Женщины как основной, так и контрольной групп, испытывают стресс приблизительно в равных долях. Следует отметить положительную динамику развития семейных отношений у женщин с бесплодием, несмотря на длительность пребывания в браке и отсутствие детей на протяжении 1,5–16 лет (средний период 7,5 лет). Также отличительной особенностью женщин основной группы является высокий уровень принятия себя и своего партнера со всеми недостатками в сравнении с контрольной группой.

Хочется отметить тот факт, что, не смотря на ряд исследований, в которых отмечено влияние взаимоотношений с родителями на вероятность наступления беременности, чем лучше отношения преимущественно с матерями, тем вероятнее шансы забеременеть (Мордас, Иванова, 2020). В нашем исследовании наблюдается обратная тенденция, поскольку отношения с матерями лучше у группы женщин с неясным бесплодием.

При оценке центральной тенденции уровня социальной фрустрированности, нервно-психического напряжения, депрессии в основной и контрольной группе, мы наблюдаем незначительные различия. Среднее значение указанных признаков в основной группе незначительно ниже, в сравнении с контрольной группой. Средние значения удовлетворенности браком, астении в группе женщин, испытывающих сложности с наступлением беременности, незначительно выше, по сравнению с группой женщин, имеющих детей.

В исследуемых группах выявлена тенденция статистически значимых различий по степени удовлетворенности браком. По остальным признакам статистически значимых различий не обнаружено.

В нашем исследовании мы приходим к выводу, о том, что отсутствие реализации внутренней потребности и социальной значимой задачи – «материнство и рождение ребенка», не снижает качество жизни женщин с бесплодием неясной этиологии, а напротив даже способствует укреплению супружеских взаимоотношений. Уровень удовлетворенности браком выше у женщин с бесплодием, несмотря на отсутствие детей, по сравнению с женщинами, у которых есть дети. Хотя, согласно обзору зарубежных исследований (Алешина, 1985), одним из основополагающих критериев удовлетворенности браком выступает рождение первого ребенка.

Наблюдаемая тенденция в появлении первых признаков астении у женщин, испытывающих сложности в наступлении беременности, а также имеющийся уровень слабого нервно-психического напряжения, не являются критичными, но гипотетически они могут блокировать репродуктивные функции.

Мы можем сделать вывод о том, что в проведенном исследовании неизвестность причин бесплодия не оказывает существенного влияния на психоэмоциональное состояние женщин с бесплодием неясной этиологии. Их психологические особенности не имеют значимого отличия от фертильных женщин. Однако в их бессознательном поле имеются страхи в отношении появления детей, связанные с тем, что их жизнь может измениться не в лучшую сторону в части супружеских отношений, карьеры, финансовой стабильности, свободного времени. Таким образом, наше исследование подтверждает присутствие деструктивных мотивов в отношении появления детей у женщин с бесплодием неясной этиологии. Возможно, что формирующийся внутриличностный конфликт способствует подавлению репродуктивных функций женского организма. Данный факт определяет дальнейший вектор исследования в части изучения психологической неготовности женщин к материнству, а также в исследовании внутриличностного конфликта между социально обусловленным запросом на рождение детей и глубинным желанием женщины.

Литература

- Алешина, Ю. Е. (1985). Удовлетворенность браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем совместной жизни. Диссертация кандидата психологических наук. Москва: РГБ ОД.
- Дементьева, Н. О., Бочаров, В. В. (2010). Психологические аспекты исследования женского бесплодия «неясной этиологии», Вестник СПбГУ, 12(1).
- Зотова, Р.А. (2014). Бессознательное чувство вины как предпосылка бесплодия у женщин. Сборник материалов первой международной научно-практической конференции «Психопрофилактика, реабилитация и здоровье сбережение». Москва.

- Карр, Б., Блэкуэлл, Р., Азис, Р. (2015). Руководство по репродуктивной медицине. Пер. с англ. Москва: «Практика».
- Кулаков, В.И., Серов, В.Н., Гаспаров, А.С. (2005). Гинекология: Учебник для студентов медицинских вузов. Москва: Медицинское информационное агентство.
- Малкина-Пых, И.Г. (2004). Возрастные кризисы. Справочник практического Психолога. Москва: Эксмо.
- Мордас, Е.С., Иванова, И.Н. (2020). Отношения мать-дочь у женщин, страдающих психогенным бесплодием: психолого-психоаналитический взгляд. *Психолог*, 4, 1–11. doi: 10.25136/2409-8701.2020.4.33161
- Оранская, А.Н., Мкртумян, А.М., Камалов, А.А. и др. (2018) Эффективность и безопасность комбинации миоинозитола и фолиевой кислоты в восстановлении фертильности. *Эффективная фармакотерапия*, 18, 14–8.
- Першина, К.В. (2019). Нейрофизиологические механизмы стресса и депрессивных состояний и методы борьбы с ними. *European science*, 1(43).
- Серов, В.Н., Прилепская, В.Н., Овсянникова, Т.В. (2015). Гинекологическая эндокринология. Москва: МЕД пресс-информ.
- Стеняева, Н.Н., Хритинин, Д.Ф., Чаусов, А.А., Григорьев, В.Ю. (2018). Психосоматические и сексуальные расстройства у женщин с бесплодием в программах вспомогательных репродуктивных технологий. *Акушерство и гинекология*, 4, 86–93.
- Тювина, Н.А., Николаевская, А.О. (2019). Бесплодие и психические расстройства у женщин. Сообщение 1. *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*, 11(4), 117–24. doi: 10.14412/2074-2711-2019-4-117-124
- Тювина, Н.А., Воронина, Е.О., Балабанов, В.В., Гончарова, Е.М. (2018). Взаимосвязь и взаимовлияние менструально-генеративной функции и депрессивных расстройств у женщин. *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*, 10(2), 45–51. doi: 10.14412/2074-2711-2018-2-45-51
- Усачёва, О.С., Блюм, А.И. (2017). Индивидуально-личностные особенности женщин, страдающих бесплодием неясной этиологии. *Международный студенческий научный вестник*, 1.
- Филипова, Г.Г. (1997). Материалы конференции по проблемам материнства. *Вопросы психологии*, 3, 23–31.
- Филиппова, Г.Г. (2011). Психология репродуктивной сферы человека: методология, теория, практика. *Медицинская психология в России: электронный научный журнал*, 6.
- Berg, B.J., Wilson, J.F., (1991). Psychological functioning across stages of treatment for infertility. *Journal of Behavioral Medicine*, 14, 11–26. doi: <https://doi.org/10.1007/BF00844765>
- Boivin, J., Bunting, L., Collins, J.A., et al. (2007). International estimates of infertility

- prevalence and treatment-seeking: potential need and demand for infertility medical care. *Human reproduction*, 22(6), 1506–12. doi: 10.1093/humrep/dem046
- Boivin, J., Sofia, G. (2015). Evolution of psychology and counseling in infertility. *Fertility and Sterility*, 104(2), 251–259. doi: 10.1016/j.fertnstert.2015.05.035
- Cross-national comparisons of the prevalences and correlates of mental disorders. (2000) WHO. International Consortium in Psychiatric Epidemiology. *Bull World Health Organ*, 78(4), 413–426.
- Deka, P.K., Sarma, S. (2010). Psychological aspects of infertility. *British Journal of Medical Practitioners*, 3(3), 336.
- Mascarenhas, M.N., Flaxman, S.R., Boerma, T., Vanderpoel, S., Stevens, G.A. (2012). National, regional, and global trends in infertility prevalence since 1990: A systematic analysis of 277 health surveys. *Plos Medicine*, 18(12). doi: <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1001356>.
- Nachtigall, R.D., Becker, G., Wozny, M. (1992). The Effects of gender-specific diagnosis on men's and women's response to infertility. *Fertility and Sterility*, 57(1), 113–121. doi: [https://doi.org/10.1016/S0015-0282\(16\)54786-4](https://doi.org/10.1016/S0015-0282(16)54786-4).
- Noorbala, A., Ramezanzadeh, F., Abedinia, N. (2007). Study of psychiatric disorders among fertile and infertile women and some predisposing factors. *Journal of Family and Reproductive Health*, 1(1), 6–11.
- Poddar, S., Sanyal, N., Mukherjee, U. (2014). Psychological profile of women with infertility: A comparative study. *Industrial psychiatry journal*, 23(2), 117–26. doi: 10.4103/0972-6748.151682
- Rubenstein, B.B. (1951). An emotional factor in infertility: a psychosomatic approach. *Fertility and Sterility*, 2(1), 80–86. doi: 10.1016/s0015-0282(16)30428-9.109
- Rutstein, S.O., Shah, I.H. (2004). Infecundity infertility and childlessness in developing countries. DHS Comparative Reports No. 9. Calverton, Maryland, USA: ORC Macro and the World Health Organization, Geneva, Switzerland.
- Stanhiser, J. (2018) Psychosocial Aspects of Fertility and Assisted Reproductive Technology. *Obstetrics gynecology clinics of North America*, 45(3), 563–574. doi: 10.1016/j.ogc.2018.04.006
- Templeton, A.A., Penney, G.C., (1982). The incidence, characteristics and prognosis of patients whose infertility is unexplained. *Fertility and Sterility*, 37(2), 175–182. doi: 10.1016/s0015-0282(16)46035-8.117
- Volgsten, H., Skoog Svanberg, A., Ekselius, L., et al. (2008). Prevalence of psychiatric disorders in infertile women and men undergoing in vitro fertilization treatment. *Human Reproductive*, 23(9), 2056–2063. doi: 10.1093/humrep/den154. Epub
- World Health Organization Current practices and controversies in assisted reproduction. (2001, 2002). «Report of meeting on Medical, Ethical and Social Aspects of Assisted Reproduction». Geneva. Switzerland WHO Headquarters.

References

- Aleshina, Yu. E. (1985). Satisfaction with marriage and interpersonal perception in married couples with different years of marriage. The dissertation of the candidate of psychological sciences. Moscow: RGBOD.
- Berg, B.J., Wilson, J.F., (1991). Psychological functioning across stages of treatment for infertility. *Journal of Behavioral Medicine*, 14, 11–26. doi: <https://doi.org/10.1007/BF00844765>
- Boivin, J., Bunting, L., Collins, J.A., et al. (2007). International estimates of infertility prevalence and treatment-seeking: potential need and demand for infertility medical care. *Human reproduction*, 22(6), 1506–12. doi:10.1093/humrep/dem046
- Boivin, J., Sofia, G. (2015). Evolution of psychology and counseling in infertility. *Fertility and Sterility*, 104(2), 251–259. doi: 10.1016/j.fertnstert.2015.05.035
- Carr, B., Blackwell, R., Azis, R. (2015). Guide to reproductive medicine. Per. from English. Moscow: "Practice".
- Cross-national comparisons of the prevalences and correlates of mental disorders. (2000) WHO. International Consortium in Psychiatric Epidemiology. *Bull World Health Organ*, 78(4), 413–426.
- Deka, P.K., Sarma, S. (2010). Psychological aspects of infertility. *British Journal of Medical Practitioners*, 3(3), 336.
- Dementieva, N. O., Bocharov, V. V. (2010). Psychological aspects of the study of female infertility of "unclear etiology", *Bulletin of St. Petersburg State University*, 12 (1).
- Filipova, G.G. (1997). Materials of the conference on the problems of motherhood. *Questions of Psychology*, 3, 23–31.
- Filippova, G.G. (2011). Psychology of the human reproductive sphere: methodology, theory, practice. *Medical psychology in Russia: electronic scientific journal*, 6.
- Kulakov, V.I., Serov, V.N., Gasparov, A.S. (2005). *Gynecology: Textbook for medical students*. Moscow: Medical Information Agency.
- Malkina-Pykh, I.G. (2004). age crises. *Handbook of the Practical Psychologist*. Moscow: Eksmo.
- Mascarenhas, M.N., Flaxman, S.R., Boerma, T., Vanderpoel, S., Stevens, G.A. (2012). National, regional, and global trends in infertility prevalence since 1990: A systematic analysis of 277 health surveys. *Plos Medicine*, 18(12). doi: <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1001356>.
- Mordas, E.S., Ivanova, I.N. (2020). Mother-daughter relations in women suffering from psychogenic infertility: a psychological and psychoanalytical view. *Psychologist*, 4, 1–11. doi: 10.25136/2409-8701.2020.4.33161
- Nachtigall, R.D., Becker, G., Wozny, M. (1992). The Effects of gender-specific diagnosis on men's and women's response to infertility. *Fertility and Sterility*,

- 57(1), 113–121. doi: [https://doi.org/10.1016/S0015-0282\(16\)54786-4](https://doi.org/10.1016/S0015-0282(16)54786-4).
- Noorbala, A., Ramezanzadeh, F., Abedinia, N. (2007). Study of psychiatric disorders among fertile and infertile women and some predisposing factors. *Journal of Family and Reproductive Health*, 1(1), 6–11.
- Oranskaya, A.N., Mkrtumyan, A.M., Kamalov, A.A. et al. (2018) Efficacy and safety of a combination of myoinositol and folic acid in fertility restoration. *Effective pharmacotherapy*, 18, 14–8.
- Pershina, K.V. (2019). Neurophysiological mechanisms of stress and depression and methods of dealing with them. *European science*, 1(43).
- Poddar, S., Sanyal, N., Mukherjee, U. (2014). Psychological profile of women with infertility: A comparative study. *Industrial psychiatry journal*, 23(2), 117–26. doi: 10.4103/0972-6748.151682
- Rubenstein, B.B. (1951). An emotional factor in infertility: a psychosomatic approach. *Fertility and Sterility*, 2(1), 80–86. doi: 10.1016/s0015-0282(16)30428-9.109
- Rutstein, S.O., Shah, I.H. (2004). *Infection infertility and childlessness in developing countries*. DHS Comparative Reports No. 9. Calverton, Maryland, USA: ORC Macro and the World Health Organization, Geneva, Switzerland.
- Serov, V.N., Prilepskaya, V.N., Ovsyannikova, T.V. (2015). *Gynecological endocrinology*. Moscow: MED press-inform.
- Stanhiser, J. (2018) Psychosocial Aspects of Fertility and Assisted Reproductive technology. *Obstetrics gynecology clinics of North America*, 45(3), 563–574. doi: 10.1016/j.ogc.2018.04.006
- Stenyaeva, N.N., Khritinin, D.F., Chausov, A.A., Grigoriev, V.Yu. (2018). Psychosomatic and sexual disorders in women with infertility in assisted reproductive technology programs. *Obstetrics and Gynecology*, 4, 86–93.
- Templeton, A.A., Penney, G.C., (1982). The incidence, characteristics and prognosis of patients whose infertility is unexplained. *Fertility and Sterility*, 37(2), 175–182. doi: 10.1016/s0015-0282(16)46035-8.117
- Tyuvina, N.A., Nikolaevskaya, A.O. (2019). Infertility and mental disorders in women. *Message 1. Neurology, neuropsychiatry, psychosomatics*, 11(4), 117–24. doi: 10.14412/2074-2711-2019-4-117-124
- Tyuvina, N.A., Voronina, E.O., Balabanov, V.V., Goncharova, E.M. (2018). The relationship and mutual influence of menstrual-generative function and depressive disorders in women. *Neurology, neuropsychiatry, psychosomatics*, 10(2), 45–51. doi: 10.14412/2074-2711-2018-2-45-51
- Usacheva, O.S., Blum, A.I. (2017). Individual and personal characteristics of women suffering from infertility of unknown etiology. *International Student Scientific Bulletin*, 1.
- Volgsten, H., Skoog Svanberg, A., Ekselius, L., et al. (2008). Prevalence of psychiatric disorders in infertile women and men undergoing in vitro fertilization

treatment. Human Reproductive, 23(9), 2056-2063. doi: 10.1093/humrep/den154

World Health Organization Current practices and controversies in assisted reproduction. (2001, 2002). "Report of meeting on Medical, Ethical and Social Aspects of Assisted Reproduction". Geneva. Switzerland WHO Headquarters.

Zotova, R.A. (2014). Unconscious guilt as a prerequisite for infertility in women. Collection of materials of the first international scientific-practical conference "Psychoprophylaxis, rehabilitation and health saving". Moscow.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.